

ЗАХАР

ПРИЛЕПИН

ПИСЬМА С ДОНБАССА

ВСЁ, ЧТО ДОЛЖНО РАЗРЕШИТЬСЯ...

ХРОНИКА
ИДУЩЕЙ
ВОЙНЫ

18+

Захар Прилепин

**Письма с Донбасса. Всё,
что должно разрешиться...**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

Прилепин З.

Письма с Донбасса. Всё, что должно разрешиться... /
З. Прилепин — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-103248-7

В книге «Всё, что должно разрешиться» Захар Прилепин выступил не как писатель – но как слушатель и летописец, военкор и поставщик гуманитарной помощи на Донбасс, майор армии ДНР и советник главы республики Александра Захарченко. Перед вами – «Письма с Донбасса», расширенное и значительно дополненное издание первой хроники войны на Донбассе. Кто первым взял в руки оружие и откуда оно взялось. Как появился на Украине Моторола. Кто такой Захарченко и чего от него ждать. Как всё начиналось – и чем закончится. Книга охватывает события с начала киевского Майдана вплоть до очередного военного обострения 2017 года и всех новейших событий на Донбассе. Концентрированная и сухая правда о донбасской войне: многое из написанного тут вы не слышали никогда – и едва ли бы узнали, если б не эта книга. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-103248-7

© Прилепин З., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Захар Прилепин
Письма с Донбасса. Всё,
что должно разрешиться...

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Эта книга про Донбасс и за Донбасс.

В этой книжке нет или почти нет меня: мой личный Донбасс останется за кадром.

Моя роль здесь – слушатель и наблюдатель.

Главные персонажи книги – те, кто пережил эту историю и сделал её сам.

Часть первая Pro Донбасс

На Донбассе купола церквей – тёмные. Гораздо темнее, чем в большой России, здесь. Тёмное золото, будто бы замешенное с углём. Едешь на машине по Донецкой народной республике – и видишь: то здесь, то там вспыхивает тёмный купол.

Очень много разрушенных православных храмов. Наверное, надо пояснить, что стреляют по ним с той стороны – артиллерия, миномёты или танки Вооружённых сил Украины.

Порой храм стоит на открытом пространстве, его видно издалика, как единственный головастый цветок на поле.

– Это не случайное попадание, – говорит мне мой спутник. – Часто осмысленно били именно в храмы.

Если быть точным: только на территории Донецкой республики разрушено во время войны семьдесят православных храмов. Пусть кто-нибудь попытается доказать, что это случайное совпадение.

Мы выехали с утра в компании главы Донецкой Народной Республики Александра Захарченко в кои-то веки не по делам боевым, а с мирной целью – вручить ключи от новых квартир жителям Дебальцево: там возвели 111 новых, очень симпатичных, домиков.

Неожиданно звонят на мобильный заместителю главы, с которым мы едем в его потрёпанной «Ниве». Есть информация, что по дороге может быть покушение на главу. Убить Захарченко – безусловная мечта для многих.

Информацию тут же передали главе и его начальнику охраны. Надо было отменять поездку.

Через три минуты от Захарченко передали: нет, едем. Просто сменим маршрут.

Маршрутов всегда закладывается несколько, каким именно поедет глава, не знает до последнего момента почти никто, или вообще никто – потому что за минуту до выезда сам Захарченко может принять новое решение.

В этот раз решение его – парадоксально. Мы должны были ехать в Дебальцево, делая серьёзный крюк, – чтоб держаться подальше от передовой. Но Захарченко то ли забавляется, то ли доверяет своему чутью: и мы летим по трассе, которая проходит ровно по передку.

– Вон дом видишь? – показывает мне зам главы. – Там украинские снайпера сидят. А вон их позиции... Вон в той зелёнке они тоже есть...

Но здесь нас, похоже, вообще не ждали.

На улице – солнечный декабрьский денёк, всё кажется безоблачным и мирным.

Я смотрю на купола и вспоминаю, где уже видел этот тёмный свет.

* * *

Захарченко не курит только под капельницей. Когда нас познакомили – он не курил.

Раздетый по пояс, лежал на диванчике, в комнатке за своей приёмной. Рядом, за столом, сидели врач и медсестра, тихие и тактичные женщины.

Подкапывала какая-то животворящая жидкость, сразу из двух банок.

Разговаривая, Захарченко время от времени недовольно поглядывал на эти банки, ему казалось, что всё происходит слишком медленно.

Потом я заметил, что ему так кажется всегда: жизнь должна двигаться быстро – нестись с такой скоростью, чтоб трава склонялась по пути.

Наконец, его отцепили от склянок, он быстро встал и начал одеваться в свою почти неизменную «горку», которая, ничего не подделав, идёт ему куда больше костюма и даже парадного кителя.

«Горка» была выстиранная, опрятная, но явно поношенная.

– Ты всю войну в ней прошёл? – спросил я. Прилюдно я буду обращаться к нему на «вы»; в неофициальной обстановке на «ты».

– А по ней видно. Зашитая-перешитая, подрыпаная, потёртая. Её от пота, и от крови стирали. Когда в меня пуля попала, мне распороли штанину; потом зашили. И в берцах в этих я тоже всю войну проходил. Вот заплатку на берцах поставили – наши мастера сапожники.

Последний раз Захарченко был ранен в ногу, пуля прошла над самой пяткой – он заметно прихрамывает.

«Надо же, – думаю, – оставил старые берцы».

Не очень понятно: ходить в прострелянных берцах – это суеверие, или, что ли, бравада, или ещё что-то; может, просто берцы жалко.

– Поменяешь форму?

– Конечно, одену новую.

– Когда войны не будет?

Захарченко вешает на ремень нож, он всегда с ножом, и, быстро подняв взгляд, секунду смотрит на меня:

– Войны не будет? Будет. Как начиналась Вторая мировая? Тоже с таких вот непонятных конфликтов: то Польша, то Чехословакия, то Финляндия, то ещё что-то. А тут Донбасс, тут Сирия. Давайте смотреть правде в глаза. Мы сейчас врубимся по полной программе. Уже врубимся. Исходя из опыта истории пройдёт два – три года – и мы сцепимся. Всё, что должно решиться кровью и железом, оно решится кровью и железом, и больше ничем. Ты не сможешь убрать из СБУ¹ 70 % ЦРУшников без применения силы. Ты не сможешь убрать из их Минобороны всех заезжих советников. – Захарченко затягивает ремень, и уже по дороге в свой кабинет договаривает:

– Всё, что должно решиться войной, рано или поздно ею решится. Любая драка должна завершиться чьей-то победой или поражением. Если мы решим случившееся миром, то и я, и 90 % из тех людей, которые здесь остались, – все мы будем считать, что у нас украли победу. А те, которые там, – как они будут воспринимать нас? Если у них неправильное правительство, которое выбрало себе не тех союзников, и армия их неправильно себя вела, – это не может так закончиться, как сейчас. Мы с людьми на другой стороне – одной крови, и здесь не может быть выигравших и проигравших. Если ты нёс слова правды и проиграл – значит, возвращайся на другую сторону и стань победителем.

Я слышу в словах Захарченко противоречие: если нет выигравших и проигравших, то как можно стать победителем, но вместе с тем понимаю, что никакого противоречия здесь нет: потому что он не говорит о победе над собственным народом.

– Возврат в нормальную жизнь должен сопровождаться изменением ценностей, – быстро говорит Захарченко, у него вообще быстрая речь, он словно не поспевает за своей мыслью. – Невозможно понять, что ты сильнее, пока не определишь, что ты сильнее. Пока ты сапогом своим не наступишь на горло и не скажешь, что я сейчас могу своим сапогом передавить тебе шею, либо я убираю свой сапог и поднимаю тебя – живи. Только живи по нашим законам, воспринимай нашу правду. Не хочешь? Вали в ту Европу, которую ты себе выдумал. Свобода выбора. Это моё мнение. Я не знаю, правильное оно или нет. Победа может быть разной. Можно завоевать всю Украину. Но, может быть, этого и не нужно делать. Потому что взятие Харькова или Киева будет сопровождаться большими потерями мирного

¹ Служба безопасности Украины.

населения. И на фоне этих убийств мы будем восприниматься как захватчики. Но здесь, на своей земле, мы должны показать силу оружия. Мы выгнали их, показали силу, встали на границе, хотя могли идти дальше. Хотя вы и разрушили наш дом, мы не звери, мы не суки, мы не пойдём разрушать к вам. Но то, что ваши сорок миллионов ничего не смогли сделать с двумя миллионами – это серьёзная вещь, это повод для огромного психологического надлома у населения там. Это горечь унижения, поражения. Понимания, что они не с теми воевали, что выступали в роли карателей, убийц и мародёров. Вот это да.

– То, что ты говоришь, это... на грани жестокости.

– Я не был жестоким в апреле месяце.

* * *

На Донбассе мне приходилось бывать в самых разных качествах.

Сначала я ездил туда как военкор, и мои репортажи публиковали газеты с многомиллионными тиражами.

Потом я, назовём это так, всячески способствовал деятельности одного подразделения ополченцев.

Одновременно я занялся гуманитаркой, потому что не было сил на всё это смотреть, – и объездил на своём «Mitsubishi Pajero» весь Донбасс вдоль, поперёк, наискосок и обратно. Первый раз я заезжал на переполненном джипе и за мной шла забитая под завязку лекарствами «Газель», последний раз мы пригоняли уже три фуры плюс шла за нами бессменная «Газель», плюс ещё четыре гружёных джипа, и внушительная команда моих товарищей.

Потом, волею судеб, я начал работать в администрации Донецкой народной республики, при Захарченко, которого в первый год войны не знал.

Помню, сообщил об этом военкору Жене Поддубному, моему замечательному товарищу, он с доброй иронией кивнул, пряча фирменную свою улыбку.

– Ну, береги себя.

– Что он, совсем безбашенный? – спросил я, будучи наслышанным о поведении Захарченко и в ситуации боевых действий, и в их отсутствие тоже.

– Вообще, – коротко и веско ответил Поддубный.

«Славно», – подумал я.

Так что я начинаю путаться, когда пытаюсь подсчитать, сколько раз я въезжал на Донбасс.

Зато я знаю все смены в лицо на таможне в Изварино и все смены на таможне в Успенке.

Я знаю поимённо половину контрабандистов на границе Луганской области; и они знают меня.

Когда я въезжал через Изварино первый раз – там оставались окопы и укрепления, и дальше, в посадках, пахло мёртвым человеком, а все обочины были заминированы.

Сразу после таможни ты попадал в удивительную реальность: разнообразные, похожие то на ангелов, то на демонов ополченцы, шахтёры и казаки, осетины и чеченцы, много оружия, громкие голоса, шутки, – все были весёлые, как на самой весёлой свадьбе. Я много раз замечал, что война – по крайней мере, пока нет стрельбы, – дело радостное и задорное; мужикам нравится.

Тогда было тепло, в первый раз.

Я помню осеннюю дорогу в Донецк. Знаю зимнюю дорогу в Донецк. Видел весеннюю дорогу в Донецк.

Каждую дорогу помню не по разу.

Всякий раз все чувства были заточены, яркие, зрение становилось объёмным, нюх – собачьим, и слышал я столько всего, сколько обычно не слышу.

Посадки и кусты видишь – кажется порой – насквозь.

Запах оружия – оружие тоже пахнет по-разному, запах формы, запах берцев, запах подбитого танка, запах недавно проехавшей колонны, запах блокпостов, запах разбитого асфальта, запах заброшенных полей, запах оставленного жилья.

В этот раз я проходил таможни – сначала русскую, а потом донецкую – ночью; ночью всегда мало народа; только машины, в основном фуры, стоят многокилометровой очередью.

Меня встречали двое старых знакомых – год, или даже больше назад, я видел их в качестве ополченцев; только недавно выяснил, что оба они из донецкого спецподразделения, где работали ещё до войны – ну и когда война началась... парни тоже работали по профессии.

Само собой, разговор – про самое главное: где и что случилось, случается и ещё случится на этой войне.

Сейчас речь пошла об иностранцах, что приехали воевать сюда.

Надо сразу пояснить, что и на ту сторону, и на эту – идут зачастую по идейным мотивам.

Но есть одна существенная разница: туда сразу же шли за деньги, а здесь – до недавнего времени – денег вообще не платили; сейчас платят – 14 тысяч в месяц, чуть больше или чуть меньше. По нынешнему курсу – двести баксов. Настоящих наёмников за такие деньги не бывает.

Та сторона наёмников набирала – в огромном количестве.

Эта сторона – принимала добровольцев.

Мои провожатые рассказывают, как в июле впервые увидели убитого негра – лежал на дороге, застреленный, огромный, отлично экипированный.

Больше всего – поляков. Только убитых – около пятисот человек.

– Потом прибалтийки, – рассказывает водитель. – Их, знаю, тридцать убитых. Снайпера. Многие – мастера спорта и чемпионки. Но у нас тоже есть мастера и чемпионы мира, – усмехнувшись, говорит он, но в подробности не вдаётся: такие фамилии не стоит лишний раз называть. – У Изварино были чешки... Часто у них – это уже вторая или третья война.

– А у нас? – спрашиваю я; хотя сам знаю многое, но всё знать всё равно нельзя. Мои провожатые статистики не имеют, поэтому просто вспоминают, кого где встречали в последнее время.

– Два финна в «пятнашке» сейчас...

– И один испанец...

– Француз был...

– Из Сербии приезжало много... В «Призраке» Алексея Мозгового целый взвод сербов был. И в Донецке отдельный отряд.

– Норвежцев видел!

На следующий же день я узнаю про погибшего за Донбасс немецкого добровольца – вся семья у него в Германии.

...Виляя по разбитой дороге, за разговором подкатываем к Донецку – сейчас внутренних блокпостов уже нет, дорога стала веселей...

Тем более что и машин нет – комендантский час. Донецк – сильный, широкий, самоуверенный, проспекты в сияющих фонарях: этот город всегда выказывал спокойствие – вопреки всему, что тут происходило и происходит.

– Здесь, – говорят на очередном перекрёстке, – семья угодила под обстрел. Миномётный снаряд ровно в машину. Мать, отец, ребёнок пяти лет. Все погибли. – Едем ещё некоторое время. – В эту больницу попадало. Метили в Министерство госбезопасности, а попали в больницу. Врач погиб.

Почти на каждой улице по такой истории. Если ставить памятники погибшим, изображая их в том виде, какими их застала смерть, – в любое время дня и ночи будет многолюдно:

там бабушка с авоськой идёт, там люди стоят на остановке, там машина, полная людей, там трамвай...

А то и целый дом из мрамора, полный жильцов, которых уже ничем не испугаешь.

* * *

Как началась эта история, когда.

Сразу не поймёшь, с какого места начать, с какого митинга, с какого выстрела.

Или, что ли, с разговора.

Когда уже подъезжали к месту моего обитания в Донецке, водитель вспомнил, как к ним в спецподразделение, ещё до войны, привезли то ли на стажировку, то ли на обмен опытом бойцов с запада Украины.

– Те стремились страшно, – смеётся водитель. – А что у вас, в Донецке, спрашивают, реально разборки со стрельбой идут между районами? Утром вышел с нами на работу – а здесь всё чинно, девушки гуляют, первоклассники в школу идут, никто никого не кромсает. У него шок – натурально, шок: он не верит, ему сказали, что Донецк – это рубилово и месилово в постоянном режиме, пьяная гопота и никого другого.

«Ну, кто его знает, – думаю я, – может, паренёк был только из армии, а до армии жил в своей гуцульской деревне безвылазно».

Но вот с интеллигентными людьми на гуцульщине, года за три до войны, я имел разговор.

Там был директор музыкальной группы «Перкалаба», бородач, хохмач Алик – никогда не встречал Юлиана Семёнова, но, думаю, тот примерно так же «держал» любую компанию, и всех веселил; хотя в Алике имелась ещё толика отморозченности: чувствовалось, что он в любой момент может руль бросить и отчебучить что-нибудь несусветное.

Ещё был славный львовский парень Стас – красавец, высоченный, дружелюбный, обаятельный, он меня и зазвал отдохнуть; с ним была его подруга – вылитая певица Шакира.

Я был с женой, Марыськой.

Мы очень славно пьянствовали – собственно, только и делали, что пьянствовали, никаких других занятий у нас не было вовсе; по-моему, мы даже не покидали ресторан, а только плавно переходили от завтрака к обеду, а затем к ужину; яства были восхитительные, погода чудодейственная, Алик гомонил, дурачился, влез на фонтан и там, с громкими воплями, отмокал.

Никто не смел нам сделать замечание, но фонтан на другой день отключили, с утра он был сух и нем.

Идти там было особенно некуда – малопроходимый лес да неблизкие горы вокруг, и ещё горная речка, три метра в ширину. Один раз решили искупаться, я тут же камнем располосовал ногу; Стас, помню, очень бережно отирал кровь, смотрел, насколько глубоко я порезался.

Похромали обратно в ресторан. Я всерьёз хромал, Алик меня ласково передразнивал.

Тогда мы обсудили, наверное, все на свете темы, но я не помню ни одной – кроме той, что запала в память.

К слову о чём-то Стас и Алик начали говорить про донецких и луганских, и совершенно спокойно, время от времени поглядывая на меня – чёрт знает, что я там думаю, гость из России, – сошлись на том, что донецкие и луганские – это чужие, иные.

«Другая страна и другой народ», – сказал Стас, и Алик кивнул.

Я не стал ничего уточнять.

Да и слышал я это не в первый раз.

Ещё в середине «нулевых» Юлия Тимошенко предлагала обнести Донбасс колючей проволокой, чтоб эти чужаки не мешали жить остальной Украине.

Тимошенко, вспомнил я, мы тоже видели, прогуливаясь по Киеву вместе со Стасом: я, моя Марыська и он.

Юлия проезжала мимо на длинном чёрном лимузине.

Кажется, Стас как-то обозвал её; например, сукой. Тимошенко тогда уже потеряла свою популярность, полученную на первом Майдане.

Стас рассказал мне, что в Тимошенко нет ни капли украинской крови – армянка и еврейка, сказал Стас. Сам он, надо сказать, был наполовину еврей, наполовину то ли русский, то ли украинец, то ли ещё кто, поэтому называл себя гуцулом, чтоб не путаться.

Украинский писатель Юрий Андрухович тоже предлагал избавить страну от ярма Донбасса, отдав его России, – это было за несколько лет до войны. Тот самый Андрухович – любимец почтенной немецкой публики и активный грантоед, – который однажды порекомендует украинским мужчинам не спать с русскими женщинами, дабы не портить породу.

И Андруховича я видел, в Киеве: мы сидели за большим столом – несколько писателей из России, Алик из «Перкалабы» там тоже был, наверняка и Стас разливал что-нибудь, и вот явился Андрухович, прямой, тонкий, отстранённый.

Увидев такое количество русских писателей в одном месте, и меня в их числе, Андрухович не стал ни с кем здороваться, а встал поодаль: вид у него был, как будто на столе разложили гнилую рыбу, и сейчас все будут её жрать.

Кто-то подошёл и представил ему нас (а то он не знал): вот, мол, русские, и Захар вот...

Я в тот момент тоже стоял, и так получилось, что неподалёку от Андруховича, посему протянул ему руку. Пожалуй, из хулиганства: я же видел, как он взирает на нас, и решил посмотреть на дальнейшую его реакцию.

Андрухович судорожно пожал протянутую ладонь тонкими пальцами, и тут же ушёл, не сказав ни слова; казалось, больше всего он сейчас боится, что мы крикнем: «Юра, а на брудершафт? А за дружбу? А рыбки, Юра?»

После мимолётной встречи с Андруховичем я сразу понял, что такое – чужие, иные, другие.

Для Андруховича я был чужим.

Хотя, надо сказать, в те времена – это был 2010 год – я ни за кого на Украине не болел. Пусть майданят, как хотят, думал я, что мне за дело до них.

Друзья у меня в основном были из Киева или из Львова, ездил я к ним в гости почти каждый год, а в Донецке и Луганске ни разу не бывал.

Хотя утверждать, что ни разу ничего дурного я не замечал – тоже нельзя.

Помню, с Марыськой шли по Крещатику, нам нужно было попасть на какую-то улочку неподалёку, мы пять раз спросили дорогу, специально выбирая интеллигентных по виду женщин, и все пять раз нам, очень доброжелательно, более того – нарочито доброжелательно, отвечали по-украински.

Я не говорю по-украински, и моя жена тоже. Киевские женщины отлично это видели, и, ласково улыбаясь, говорили медленно, чтоб мы лучше поняли. На русский они переходить не желали – хотя, конечно же, знали этот язык и, более того, говорили на нём большую часть своей жизни.

– Зачем они так? – в конце концов поинтересовалась моя жена, отличающаяся, надо сказать, повышенной политкорректностью.

Вечером я выступал на радио, фамилию радиоведущего я забыл, но мне потом сказали, что это очень известный в Киеве персонаж, один из народных лидеров прошлого Майдана. Интервью он вёл так, словно взял меня в плен, и я должен ему немедленно признаться, что заминировал поезд «Киев-Львов» и отравил воду в Днепре.

Я нехотя отругивался, стараясь всё свести к шутке; еле получалось.

Выйдя нас провожать, ведущий, с некоторой неприязнью, вдруг предложил нас подвезти – ну, давай, согласился я, о чём через пять минут уже пожалел.

Разговор он начал сам, с того места, на котором мы якобы остановились, хотя мы об этом даже не говорили.

– Киев старее вашей Москвы. Когда Киев стоял – на месте Москвы росла травка.

«Ну так Новгород или Псков не моложе Киева», – лениво думал я, но, конечно же, не отвечал: а то высадит ещё.

Жена иронически поглядывала на меня: она стала привыкать к подобным украинским развлечениям.

– Мозги полощите – у всех донецких мозги загажены, – всё ваша работа, – сердился на меня наш водитель, продолжая разговор, который я не начинал.

«В Донецк надо съездить, наконец, – думал я, – хоть посмотрю на этот страшный человеческий подвид».

– Научили вас языку, воевать вас научили, веру вам дали – думать бы ещё научить вас, – продолжал наш добрый рулевой.

– ...это да, – сказал я, рассеянно глядя в окно.

Жена положила свою ладонь мне на руку и время от времени сжимала мои пальцы: «только ничего не отвечай», – подавала она мне сигнал.

Едва ли можно сказать, что все нами встреченные украинцы вели себя именно так. Но я не совру, сказав, что подобные ситуации приключались ежедневно. Будто по городу стремительно размножался какой-то вирус, и каждый третий стремился о меня почесаться тем местом, что у него чешется.

В другой раз, уже во Львове, я пошёл поменять валюту, отстоял очередь в кассу, сказал операционистке, что мне нужно, она ответила: не разумею. Девушке на вид было лет восемнадцать, она могла и не знать русского.

За мной толпилась очередь, длинная, человек в двадцать, я оглянулся и попросил мне помочь. В очереди были молодые парни и взрослые мужики, были деды и были пожилые жительницы Львова.

Никто не шелохнулся и не ответил ни слова.

– Помогите, будьте добры, а то не могу девушке объяснить, что мне нужно, – повторил я, ещё не очень веря, что всё обстоит настолько грустно. Эти люди в очереди – они точно слышали меня, и большая часть понимала, о чём я их прошу.

Реакции, между тем, не было никакой.

– Ну вы и поганцы, – сказал я, и пошёл. Бить меня никто не стал.

На другой день я улетаю из Львова, Стас пришёл меня провожать, принёс в качестве шуточного подарка профиль Сталина, тяжёлый, из какого-то металла.

Я закинул подарок в чемодан и сдал в багаж. Через десять минут меня вызвал железный репродуктор аэропорта в таможенный пункт полиции.

Я нашёл эту комнатку. Там, на столе, грустный как гроб, лежал мой чемодан, ещё закрытый.

В комнате находились двое полицейских, или таможенников, я теперь уже не помню, оба в белых рубашках без рукавов – было лето, – один прапорщик, другой лейтенант. Здоровые как кабаны, лет по сорок пять, типичные, как из фильмов про бандеровцев, на сале вскормленные ребята.

– Что у вас в чемодане? – весело спросили они.

– Вещи. Ноутбук... Книжки.

Дали мне листок: пишите, что у вас есть. Я написал то, что помнил.

– Открывайте чемодан, – велели они. Я открыл.

– Это что? – спросили они, и тут же, как в отрететированной юмореске, начали оба смеяться.

Им было ужасно смешно, они никак не могли успокоиться.

Наверху лежал профиль Сталина.

– Сувенир, – сказал я. – Товарищ подарил.

– Из чего? – всё так же смеясь, и весело переглядываясь друг с другом, спросили они.

– Откуда я знаю, точно не золотой, видно же.

– А почему не задекларировали? – еле успокаиваясь, поинтересовался у меня лейтенант.

– Это сувенир, подарок. Они у вас на центральном рынке гроздьями висят. Их надо декларировать? Простите, я не знал.

Они снова захохотали. Видимо, сегодня я был на редкость остроумен.

– Мы передаём ваше дело в суд. Изымаем ваше имущество, и передаём в суд. Вы задерживаетесь до суда, – наконец, объявили мне они.

– Это шутка такая? – спросил я, чувствуя, что голос у меня пропадает.

Лейтенант снял фуражку, вытер пот, и ответил:

– Никаких шуток, понял?

– Стоп, стоп, стоп, – сказал я. – Давайте иначе построим разговор... Господа полицейские, как мне решить эту проблему?

– А на коньячок кинь нам, – просто сказал прапорщик.

– У меня есть одна тысяча рублей, я могу её отдать, – быстро ответил я.

Полицейские переглянулись.

– Мало, – совершенно спокойно сказал прапорщик.

«Этот чёртов Сталин стоит пятьсот рублей на рынке», – вспомнилось мне не очень кстати.

– Две тысячи, вот, – сказал я, извлекая две купюры из кармана, и с неприязнью чувствуя, что у меня вспотела рука.

– До свидания, – ответил мне прапорщик, взяв, не глядя, купюры, и тут же убрав их в просторный карман полицейских, с лампасами, брюк.

– А чемодан? – спросил я.

– Мы сами отправим, – сказали мне.

– Берегите себя, – пожелал я, выходя.

– Всё у вас, москалей, не так, – пробурчал прапорщик, закрывая за мной дверь с равнодушным видом.

«Такое откровенное разводилово! В аэропорту! Крупнейшего, как они это называют, европейского города!» – восклицал я мысленно, весь в треморе и раздрае.

Денег мне было не жалко – но я поверить не мог, что так возможно поступать: ничего не опасаясь и ни о чём не волнуясь! И этот их, ещё, хохот. Отвратительно. Просто отвратительно.

Едва ли надо объяснять, что со мной так себя вели, потому что я был человек с российским паспортом. Если б на моём месте оказался украинский писатель Андрухович, ничего подобного не случилось бы никогда.

Но всего забавнее был случай, когда мы с Марыськой уезжали из того же Львова, годом раньше, или годом позже, на поезде.

У нас было купе, с нами ехала пара – судя по всему, муж и жена, только постарше нас лет на десять.

Едва тронулись, мы у них спросили, сколько идёт поезд.

Они отвернулись и не ответили. Жена моя ещё раз, на всякий случай, повторила заданный вопрос – весь скривившись, наш сосед пробурчал что-то невразумительное на мове, и мы оставили их в покое.

Так, не обменявшись и словом, проехали весь путь.

В Москве, не попрощавшись, вышли, и отправились, как я было подумал, каждый в свою сторону.

Через три минуты в метро меня кто-то ловит за плечо и тут же, слёту, спрашивает:

– Не подскажете, а до Арбатской как добраться?

Смотрю: а это мой сосед по купе, который не понимает ничего, и жена его с ним.

– О, – говорю, – что за встреча! Уже выучили язык?

...Мне сейчас бросается рассказывать, что в Киеве каждый второй говорил по-русски, и во Львове таких случаев не было никогда, потому что быть не могло, – ой, я знаю, знаю, и про щедрость украинцев всё знаю, и про их сердечность, и по-русски со мной тоже чаще разговаривали, чем нет...

Тем не менее, все эти истории я, к сожалению, не выдумал, не было такой нужды; более того – подобных случаев произошло со мной куда больше; но даже вспоминать о них брезгливо.

И если со мной произошла дюжина таких историй, то с десятью людьми из России – уже сто, а с сотней – вся тысяча, а с тысячей – тысячи. И это был уже не симптом, а диагноз: внутри милого, доброго, чудесного братского народа – чья кровь течёт и во мне – поселились бесноватые люди.

* * *

Вялая русофобия сплеталась с куда более жёстко очерченной неприязнью к Донбассу – о которой я тогда ещё толком не знал, но отлично знали другие.

Андрей Манчук, украинский «левак», мой знакомец, ещё в сентябре 2011 года опубликовал статью «Донбассофобия», позволим себе процитировать её.

«“Спасибо жителям Донбасса за президента-пидораса!” Этот слоган, который скандировали с трибун несколько сотен болельщиков киевского “Динамо”, стал лозунгом и паролем нынешней оппозиции правящему режиму. В последние недели его можно слышать буквально отовсюду – из уст Юлии Тимошенко, в эфире телевизионных шоу и в интернет-комментариях национал-демократических офисных клерков. Почти каждый раз эти слова срывали аплодисменты патриотической публики – будь то дружные хлопки в студии у Шустера или несчётное количество одобрительных “лайков” на страницах фейсбука.

То, что эту фразу впервые озвучили фанаты столичного клуба, трибуны которого давно стали средой легального развития нацистского движения, никоим образом не смущает записных патриотов. Они на полном серьёзе рассматривают её в качестве удачного и остроумного вызова системе, совершенно игнорируя оскорбительный, расистский контекст этих слов.

Позорный комплекс “донбассофобии” впервые проявил себя во время оранжевых событий конца 2004 года...

“Не ссы в подъезде – ты же не донецкий!”

Не будем скрывать – эти слова пользовались массовой популярностью в те незабвенные квазиреволюционные дни...

В те дни я много раз слышал шуточку о “подъездах”. Её с удовольствием повторяли мои знакомые. Они вполне искренне считали “донецких” пассивным покорным “быдлом”, полудикими “орками” подземного украинского Мордора – противопоставляя их “граждански сознательному” и “свободолюбивому” населению других регионов.

Большинство этих людей знали о Донбассе лишь понаслышке – а мне приходилось бывать в этом регионе, останавливаясь в рабочих посёлках, спускаясь в шахты и участвуя в акциях протеста на рубеже нового века. Я знал, что, когда киевляне пассивно сносили притеснения новых хозяев жизни, шахтёры шли маршами на столицу, иногда в сопровождении своих жён и детей. В то время они выбивали себе зарплату дружным стуком касок или блокированием дорог. Ещё в 1998 году, в день независимости, когда в Киеве гремел обычный пивной концерт, рабочие в центре Луганска по-настоящему дрались с ОМОНОм, который напустили на них испуганные протестом власти, – развенчивая миф о “забитом”, “покорном” Донбассе».

«Донбассофобия несёт в себе выраженный социальный подтекст, – писал Манчук. – “Интеллигентная” офисная публика (включая выходцев из восточного региона, которые с усердием неофитов утверждают в культурной ненависти к собственным землякам) нередко третирует жителей Востока именно в качестве стереотипного “рабочего быдла”, намекая на пролетарский социальный состав этого региона, который приобрёл в глазах либералов образ эдакого “совкового” заповедника. Среднестатистический житель “индустриального” Донбасса стоит в их понимании на нижних ступенях социально-культурной лестницы...»

У Манчука имеется и ещё более ранний текст, написанный и опубликованный в мае 2009 года, где он, хоть в мраморе выбивай, формулировал: «Можно не сомневаться, что, выступая под лозунгами целостности, соборности и суверенитета, национализм всячески поспособствует распаду Украины – прекрасной страны, которую так плохо знают заклинающие её именем шовинисты».

И далее: «Это ирония мстительной истории. И в том, что под громкие крики о великой Украине мы превратились в помойную яму европейского континента, есть вполне определённая логическая связь. Как оказалось, специфическое понимание любви к Родине, отождествляемое с враждебностью к инородцам, отнюдь не приносит благосостояния представителям “титульной нации”... Иллюзорные патриотические фантазии, навешанные и навязанные нашему обществу, всегда использовались в совершенно конкретных и рациональных целях».

Мысль о том, что постсоветский национализм – нужен и выгоден в первую очередь буржуазии, не нова. Другой вопрос, что и буржуазные элиты, и средний класс, и многие представители интеллигенции искренне убедили себя в своей европейской избранности – которой оказались недостойны целые регионы Украины.

Тексты Манчука, как мы видим, не были написаны задним числом, три года или пять лет спустя, чтоб объяснить начавшийся кошмар. Написанное им, да и не только им, скучно ждало своего часа.

Иллюстрацией к текстам того же Манчука могли бы послужить тысячи высказываний замаяданных блогеров и десятки текстов, появлявшихся, как правило, в киевских печатных или электронных СМИ зимой 2014-го, в разгар революции.

Вот, навскидку, один из них: «Суровая правда Донбасса в том, что иначе выжить как при хозяине и твёрдой руке эти люди не могут. Многим из них довольно низкий уровень интеллекта не позволяет найти себя в бизнесе, творчестве или креативных профессиях.

Если посмотреть на их политические убеждения, то вы увидите перед собой в сущности детей, которых ещё надо опекать и вести по жизни в независимости от возраста».

Эта блажь (опубликованная под названием «Как решить проблему Донбасса?») завершалась мощным аккордом: «Просто эти люди имеют гораздо меньший эволюционный возраст, чем украинцы».

Заметим, что ещё в 2013 году Донецк давал 20 % от всего промышленного производства Украины. В Донецкой области проживало тогда 4,4 млн человек: то есть, десятая

часть населения страны обеспечивала пятую часть производства и приносила 30 % валютной выручки Украины. Орки, что сказать.

Когда уже отгремел Майдан в Киеве, и Янукович позорно сбежал, – начались первые серьёзные волнения в Донецке.

В первый день марта 2014 года на митинг собралось 50 тысяч человек. Вся площадь была в триколорах Российской Федерации.

Тогда в Донецке, откуда не возьмись, объявился Павел Губарев – здоровый, головастый парень, работавший рекламщиком; русский патриот, одновременно и «левый», и «правый»; самоуверенный, медвежий, то поражающий замечательной точности наблюдениями, то говорящий сущие банальности – но в любом случае открытый, бесхитростный, мужественный и упрямый.

1 марта его избрали народным губернатором Донецка (а уже 6 марта он был арестован сотрудниками СБУ и увезён в Киев).

Чаще всего люди на том митинге кричали: «Россия!», «Русские вперёд!». Были заметны две огромные растяжки: «Свобода русскому языку!» и «Донбасс с Россией!»

Что ж, Андрухович, пожалуй, не зря предлагал заранее отделить Донбасс.

Мои собутыльники – Алик и Стас – тоже не обманывались в своих представлениях о донецких.

Все они были правы.

* * *

Мы возвращались в Донецк с очередного выезда. Захарченко вёл машину сам – он иногда пересаживается за руль, и едет в замыкающем колонну джипе; или ещё как-нибудь, вопреки правилам: такие забавы у человека, на которого уже было несколько серьёзных и продуманных покушений.

Если ненавистники Захарченко и дальше будут работать в том же ритме – то Захарченко догонит Фиделя, которого тоже многие годы мечтали убить; да вот не пришлось.

– Ты никогда не задумывался, отчего с той стороны однажды начали считать, что вы здесь, на Донбассе, тёмные люди? – спрашиваю я.

– Мы ватники и бандиты, мы все сидевшие, и все необразованные, ничего у нас нет, и театры у нас плохие, – как сто раз слышанное повторяет Захарченко, не без удовольствия управляя машиной, ему очевидным образом куда больше по душе быть водителем, чем пассажиром. – Смотри: если из человека в глазах другого человека сделать неуча, ниже его по классу и статусу, то, к примеру, крестьянин из Полтавской области будет сидеть в дерьме, но думать, что он сидит на золоте. – Захарченко круто поворачивает и продолжает:

– Они... – я не знаю, кого конкретно называет Захарченко «они», но не думаю, что это нужно уточнять, – ...политически подняли самооценку тех территорий, которые разделяли их взгляды. Затем они сказали: мы образованные, мы хотим в Европу, а эти неучи хотят быть ближе к России... Понимаешь, их гастарбайтеров в Европе держат за третий сорт – за счёт нас они пытаются компенсировать своё ущемлённое самолюбие и гордость.

– А донецкий характер? Есть такая штука? Что в этом характере главное?

– Самопожертвование. На знамени организации, которую я создавал – «Оплот Донбасса», – написано: «Нет уз святее товарищества». Друг – за друга, благодаря этому и держались.

– Отношение к своему народу за полтора года изменилось?

– Гордость – она всю жизнь была за Донецк. Я могу проехать по любой улице и сказать, где какой дом когда строился, кто его строил. Почти все памятники – я знаю архитекторов. Я тебе расскажу, какие цветы здесь посажены, какое количество роз у нас...

Какие бои шли в 41-м году, какие в 42-м, какие в 43-м. На Украине только два города таких. Львовяне гордятся своим Львовом, дончане гордятся Донецком. Запад и Восток. Всё – больше на Украине таких городов нет.

- А самоопределение – мы донецкие или мы русские, – как с ним было у вас?
- Мы всегда воспринимали себя русскими. Всю жизнь.

* * *

Спросил у Захарченко, а как он реагировал, когда всё это только-только началось: осень 2013-го, Майдан, студенты, желающие в Европу... Равнодушно пожав плечами, ответил, что никак.

Занимался своими делами.

Они тогда хотели с женой завести ребёнка, забеременеть – и не получалось. Только этим и были озабочены. А Майдан... бес бы с ним. Сколько раз уже подобное происходило к тому моменту.

Я, впрочем, знаю, кто видел начало Майдана своими глазами и очень близко. Один из замов Захарченко.

Заметил одну вещь: если на Донбассе какого-то человека, знакомясь, видишь сразу в форме – тебе кажется: твой новый знакомый родился таким, иным он и не может быть – только военным.

Но если в первый раз увидишь человека в «гражданке», да ещё в чиновничьем кабинете, сложно переключиться и представить его в «комке», с оружием.

Дмитрия Трапезникова, первого зама руководителя администрации главы ДНР, я увидел таким: в разноцветном, серый с белым, свитере, под свитером рубашка; чуть полноватый, невысокий, с залысинами; по типу: глава какого-нибудь технического отдела.

Для сравнения: когда видишь Захарченко – минуту думаешь, что перед тобой офицер спецподразделения, другую – что шахтёр, третью – что бандит, а в четвёртую все варианты смешиваются, и вообще не знаешь, что думать.

Для Трапезникова всё это нехарактерно.

Он – идеальный чиновник, в лучшем смысле этого слова. Полный порядок в голове, полный порядок на столе, весь отлаженный и аккуратный, как таблица умножения.

Мы с ним несколько раз решали вопросы по доставке гуманитарки; так однажды и разговорились.

Выяснилось, что Майдан Трапезников встретил в качестве гендиректора торгового дома с длинным названием: что-то там «...внешторг Украина». Торговый дом располагался в Киеве.

– Это здание Укркооперации Украины – 402 рынка на территории Украины, 20 000 магазинов, множество заводов и фабрик входило в ту структуру, где я работал. Я занимался государственными рынками и магазинами, – говорит Трапезников. – Окно моего офиса выходило прямо на Майдан. И все события проходили прямо под моим окном.

Я каждый день приезжал на работу, въезд был со стороны Грушевского, – получается, ещё и по дороге изо дня в день я наблюдал развитие этой истории. Когда первый БТР сожгли – я сам видел это. Все баталии и драки происходили на моих глазах. Вот даже фотографии вам сейчас покажу. У меня всё сохранилось... – Он достаёт телефон и листает фотоархив: сначала много детских фотографий – видимо, дети Трапезникова; наконец, появляется Майдан – всем знакомые опалённые, растерзанные виды. – В начале студентов туда привели целой командой, чуть ли не под палками – надо!..

А потом появились особого вида люди: видимо, какие-то силовики. Следом, судя по всему, инструктора. Они стали готовить молодёжь – сейчас покажу, фотографии есть, – каж-

дое утро у них тренировки были: отрабатывали противостояние «стенка на стенку». Все строятся, потом разделяются на две части. Одни ложатся на землю, руки за голову. Другая толпа бежит на них. Первые должны успеть подняться и отбежать от толпы, чтобы их не затоптали. Появились у них деревянные щиты. Мы тогда ещё не поняли, что это. Фанера в руках, и они тренируются – бросают что-то друг в друга. Потом уже, конечно, поняли: когда началось с «беркутами» столкновение, и они «коктейли Молотова» бросали.

Как делали «коктейли Молотова», мы тоже видели. Снег же тогда был, сугробы всюду. Им привозили канистры, они разливали топливо, засовывали тряпку, всё паковали пробочками, и прятали бутылки в сугробы. То есть готовили батарею, чтобы потом сражаться.

Есть такой депутат Верховной рады по фамилии Гриценко. Он тоже приезжал, инструкции раздавал, что и как. Было ясно, что идёт определённая политическая игра. Когда «беркута» в наступление пошли, зачистку делать, они дошли от Майдана аж до поворота в сторону Верховной рады и кабмина. Но потом их обратно отжали до площади. Я однажды спустился вниз и «беркутов» спросил: почему вы их полностью не раздавите? Они говорят: не дают, отзывают назад. Так бы мы, сказали «беркута», разогнали весь Майдан. Видимо, Янукович боялся чего-то более страшного... Всех проходящих на Майдан кормили. С первого дня стояла огромная сцена. Ежедневно всё начиналось с того, что в девять утра там включали гимн Евромайдана – есть такой гимн, слышали? – я отрицательно кручу головой: Бог миловал. – Священники там были постоянно...

Я вспоминаю, как мы встречались с журналистом журнала «Русский репортёр» – бесстрашной Мариной Ахмедовой, и она рассказывала мне про своего знакомого врача «Скорой помощи», который по работе постоянно приезжал на Майдан – вызовы шли один за другим, изо дня в день.

Врач уверял, да и не он один, что основной контингент Майдана – западная Украина, а они – греко-католики, и называл одну цифру, мне запомнившуюся: двадцать пять священников греко-католической церкви ежедневно дежурили там; это уже серьёзно.

Православные священники, стоит уточнить, на Майдане не дежурили; по крайней мере, пока никто об этом ничего не рассказывал.

– Политики, само собою, появлялись, – продолжает Трапезников. – Развлекательные коллективы пели и танцевали. Но, в принципе, какой-то огромной массы людей, проходящих послушать, – не было. Была, назову так, искусственная масса.

Собравшиеся там делились на сотни. Имелись свои медпункты. Были места, где в казанках готовили еду. Причём раздавали еду всем без разбора – в сотне ты, или просто гулял неподалёку. Любой желающий мог подходить, и там – колбаса, бутерброды, каша, супы, – целый день. Представь себе масштабы финансирования.

Что меня ещё удивило: Софийская площадь наверху – и там гаишники могли бы перекрыть подъезд, и всё: никто бы туда не попал. Но вместо этого постоянно заезжали микроавтобусы, вот такие вот, – Трапезников показывает мне фотографию, – каждый микроавтобус был резиной забит, покрышками. И разгружались. Если б проезд перекрыли – нечего было бы жечь, нечего было бы есть: жизнеобеспечение Майдана прекратилось бы, и он потерял бы свою силу. Но этого не происходило.

...И что они делали. Как только начинается наступление «Беркута», они в пять-шесть рядов укладывают покрышки, разливают в них горючую жидкость, поджигают – и вот уже стоит стена дыма. Видимость никакая, и – начинают камни, «коктейли Молотова» лететь в «Беркут».

Один из дней, помню, был очень страшный. У нас в здании первый этаж стеклянный был, и нам говорят: ожидается эвакуация, они будут заходить в здание, всё ломать.

(Я вдруг замечаю, что Трапезников никакого определения для участников Майдана не использует – восставшие, майдановцы, революционеры, да какое угодно, – называет их про-

сто «они», говоря будто бы о чём-то глубоко постороннем, отдельном, по некоторым причинам даже не нуждающемся в имени.)

— Людей эвакуировали, и мы остались с ребятами в здании у меня на этаже. Как раз в тот день, когда автобусы жгли милицейские, они отступили до поворота. Мы ночью ушли — умудрились пробраться сквозь весь этот хаос. А утром нам говорят: всё, горит Дом Профсоюзов, творится что-то страшное. Мы поехали забирать машину — я машину во двор загнал, потому что на улице все машины переворачивали: делали стенку, чтоб «беркута» не попали в них, когда стреляли резиновыми пулями. Прибыли мы, «беркута» уже прошли вперёд, с Майдана всех отогнали. Стоят сожжённые автобусы, тушат Дом Профсоюзов. В кабинет я заглянул, а там всё в пепле, чёрное — визуально всё цело, но так как вокруг шли пожары, даже у меня в кабинете пеплом и гарью всё покрылось. Забрали мы автомобиль и уехали в этот день. А потом к нам на первый этаж ворвалась сотня, уже не помню какая — шестая или третья. И они говорят: всё, теперь мы в этом здании будем базироваться. Сейчас по фотографиям восстановим дату... Это было начало марта. Вот, смотри: на фотографии кабинет мой, а это Майдан в окне. Вот это биотуалеты, палатки их. А это уже Дом Профсоюзов... Вот плитку они снимали, чтобы грунт открылся, и можно было закапывать что-нибудь... Вот здесь прятали «коктейли Молотова»... А вот Крещатик. Вот здесь — наше здание. Вот несколько уровней их баррикад. Причём разбирали они всё подряд: знаки, столбы, решётки на окнах. И всё это ставили под наклоном: на тот случай, если на баррикаду кто-то полезет. Арматуру, рекламные щиты закидывали, чтобы техника не прошла. Все магазины, все кафе разнесли — мародёрство полное — первый этаж в нашем здании разобрали начисто. Они и к нам явились. К ним вышел председатель Укрпотребсоюза, директор. Они условия поставили: мы хотим здесь базироваться, нам нужны компьютеры.

«Мы» — это какая-то ассоциация правозащитников майдана, что-то такое. Директор им говорит: я буду давать вам деньги, только на остальные этажи не ходите и не мешайте работать. И он им выдал, по-моему, 25 тысяч долларов, вынес наличными — и они никуда больше не лезли. Потом появилась другая сотня. Директора вызвали на переговоры в какой-то ресторан. Он приехал. Они говорят — с тебя такая-то сумма денег, иначе мы заходим на этажи здания. Директор ту, предыдущую сотню вызывает и говорит: «Слушайте, вы разберитесь там между собой». Так случился конфликт между одной сотней и другой — драка была за то, кто установит влияние над зданием. Такое кино... Тогда я и уехал.

— Дмитрий, а вы откуда родом вообще?

— Родился в Краснодаре, в 1981 году, вырос в Донецке. У матери все родственники в России живут: Самара, Оренбург, Анадырь, Сургут, Питер, Краснодар.

— В детстве себя воспринимали как украинца или как русского?

— Если от Донецка отъехать в сторону, в село какое-нибудь, там люди разговаривают, особенно те, кто постарше, на суржике. У них такой язык — и не украинский и не русский, ломаный. Они по-деревенски употребляют какие-то украинские слова — в том числе и потому что в школах украинский язык учили. А в городах: ну, где вы слышали в Донецке, чтобы на украинском языке разговаривали? У нас население было ближе к России. Помню, мы в школе учили украинский язык — но я его совсем не употребляю. Я вообще его не понимал, даже ломаный. Если двигаться на запад от нас, дальше, Полтава та же, то там они в городах иногда и на украинском языке разговаривают. Хотя многие из них всё равно говорят: мы с вами. Когда на Майдане все эти события начались, один из моих партнёров, учредитель завода, звал меня в Полтаву: приезжай, говорит, там директором будешь. Я ему говорю: нет, всё, еду на родину, мы там нужнее. Он мне иногда звонит: болеет за нас.

— В той сфере, где вы работали, у вас там порывался кто-нибудь пойти на Майдан? Были ли какие-нибудь близкие приятели, которые начали отстаивать правоту восставших?

– В той организации, о которой я рассказывал, работало процентов 75 киевлян. У них, знаете, даже образ жизни не такой, как у нас в Донецке, более размеренный, спокойный. Это у нас ритм – давай, давай, давай, надо что-то создавать, что-то менять. Когда я там появился, помню, подумал, что мы попали в Советский Союз – только с мобильными телефонами, – когда у человека четко в 12:00 обеденный перерыв, когда он не спешит делать свою работу. Мы, приехавшие из Донецка, конечно, всё это меняли в корне. Мы понимали, что это госструктура, но можно эффективнее работать. Но из всех тех, с кем я там познакомился и подружился, я не видел ни одного, кто пошёл бы на Майдан. Все, наоборот, плевались: вот, намусорили, всё испоганили. Поэтому, когда говорят, что киевляне дружно встали, пошли и поддержали что-то – это всё ерунда. Ну, были, наверное, какие-то определённые категории людей, но из этого конкретного семиэтажного здания не выходил туда никто.

* * *

Кто-то с мрачным остроумием назвал «небесную сотню» – людей, погибших на Майдане, – гекатомбой. В Древней Греции так называлась богатая жертва богам – убийство сразу ста быков.

Несчастливые люди – погибшие за что? Каким богам эта жертва?

Говоря о первых результатах победившего Майдана, чаще всего вспоминают как, едва дорвавшись до власти, новая Верховная рада отменила закон «Об основах государственной языковой политики», в соответствии с которым русский язык имел статус регионального.

Разразился неприятный скандал, докатившийся даже до Европы. Яценюк что-то там мямлил о том, что русскоязычным гражданам ничего не угрожает, Турчинов, ставший и.о. главы государства Украины, увидев шумную реакцию, закон не подписал, однако было поздно – сразу стало ясно, что там особенно чешется у новой власти.

Если Россию и русских отменить как факт нельзя, надо хоть язык придавить, причём даже не во вторую или в третью очередь, а в первую.

Просто феерическая дурь, объяснению не поддающаяся, была тогда продемонстрирована. Дурь людей, которые в своём кругу изъясняются исключительно на русском языке.

Так ведут себя дети, без родителей оставшиеся: а-а-а! Сейчас мы всё здесь раскрутим, изломаем и немного подожжём, и ничего нам за это не будет!

Фарисейство российских либералов границ почти не имеет, но тут даже они сдержанно вздохнули: помню, как Максим Виторган, актёр, блогер и по совместительству муж Ксении Собчак – иконы российского прогрессивного общества и активной сторонницы Майдана, – написал в блоге, имея в виду Верховную раду: «А взрослые люди среди них есть?»

Однако на фоне этого закона почему-то часто забывают о другом, принятом революционной, оставшейся без родителей, Верховной радой, в тот же, первый день работы, 22 февраля.

А именно: они немедленно отменили закон, который предполагал наказание за «публичное отрицание или оправдание злодеяний фашизма» и «пропаганду нацистской идеологии».

Видимо, дышать было нельзя, пока этот закон существовал. Дышать, есть, пить, думать. Как колодка на ноге он висел. Иначе зачем такая спешка?

Отменила рада и закон, касавшийся «ответственности за осквернение или разрушение памятников, воздвигнутых в память тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны, советских воинов-освободителей, участников партизанского движения, подпольщиков и жертв нацистских преследований».

Потому что – как строить новую свободную страну с таким законом? Как ходить по улицам, смотреть людям в глаза, если может иметь место ответственность за разрушение каких-то там памятников? Нет, этого нельзя допустить.

Сколько потом стояло крика и плача, что новую украинскую власть, принёсшую стране свободу на Майдане, оболгали!

Но как можно оболгать – такое?

Зачем вообще что-либо по их поводу лгать, если люди сами снимают на всеобщее обозрение свои порты, и так стоят, с портами на полу: вот мы какие, взгляните, нравится?

* * *

Весь март в Донецке, Луганске, Харькове, Одессе шли массовые антимайданные митинги. Воссоединение России с Крымом (можете называть это аннексией, агрессией или захватом – это всего лишь слова; всякий может использовать по вкусу любое) действовало на миллионы людей Юго-Востока оглушительно: многие и многие были уверены, что завтра подобное произойдёт и с ними, у них.

Наверное, однажды кому-нибудь надо будет объясниться, почему этого не произошло.

Впрочем, уже сегодня можно попробовать представить себе дугу от Харькова до, к примеру, Одессы. 547 км! На этой территории живут миллионы и миллионы людей, больше, чем во многих европейских странах, или даже в целом букете из нескольких небольших европейских стран.

Никакой гарантии, что все эти люди настроены пророссийски, – не было. Напротив, многие из живущих на этих землях украинцев были настроены антироссийски.

Не большинство, но очень и очень многие. Статистики мы не имеем и едва ли её когда-нибудь получим, но очевидцы традиционно замеряли ситуацию предельно просто: полгорода «за», полгорода «против» – например, в Одессе, две трети населения «за», одна треть «против» – скажем, в Харькове, и треть населения «за», треть «против» и треть не определилась – где-нибудь в Запорожье.

Но ведь на этих территориях находились ещё и органы полиции, спецслужбы, располагались воинские части; работали, наконец, государственные органы, которые ни о каком сепаратизме даже не помышляли.

Непросто вообразить себе сплошную «русскую весну» на таком пространстве. Это не Приднестровье и не Абхазия – это колоссальные пространства, на которых можно смело затевать столетнюю войну, и она продлится всё столетие без обеденного перерыва на перемирие.

По сути, это целая страна, где стремительно нужно ставить таможни, пропускные пункты, сменить основной управленческий состав во всех государственных учреждениях, посадить сотни новых чиновников, руководителей служб и спецслужб, отладить работу сотен и тысяч механизмов взаимодействия, стремительно перезапустить экономику...

Хаос был неизбежен. Остановить его возможно было лишь по большевистским лекалам: не просто вводом войск, а жесточайшим террором, бомбёжками, конными атаками, чистками, затопленными баржами и погромами.

Знаете, как в той поговорке «Съесть-то съест, да кто ж ему дать?». Всё это невозможно было удержать даже в самых загребуших руках.

Не говоря о, мягко говоря, ограниченных, с точки зрения общепринятых мировых норм, возможностях перехода этих земель в суверенное состояние или, тем более, под ведение России.

Подобные процессы могут опираться по большей части на стихийную волю масс – желательно в сочетании с распадом властных государствообразующих структур и армии.

Однако, как мы знаем, на Украине столкнулись воли разнородные по качеству и противоположные по устремлениям – одни устремились в Россию, вторые в Европу. На счастье вторых и горе первых, пришедшие ко власти в Киеве люди оказались, при всей своей специфичности, крайне амбициозными и совершенно беспринципными, а потому готовыми к принятию любых, в том числе откровенно антигуманных решений.

И здесь началось противостояние сил, где первые, настроенные на возвращение в Россию, заведомо должны были проиграть вторым, настроенным на нечто противоположное.

За вторыми стояла государственная машина, имеющая тысячи и тысячи возможностей карать, давить, сажать и убивать – и не быть за это наказанными. За ними стояли колоссальные финансовые возможности.

Первые не могли выиграть ни при каких условиях.

* * *

Как-то у Захарченко была свободная минутка, и я попросил его рассказать, как всё было – его глазами – по порядку.

– Всё по порядку, – повторил он, и тут же начал рассказ, одновременно разыскивая глазами на столе, куда положил пачку сигарет. – Когда начался Майдан, Донецк в очередной раз смеялся над Киевом. Это была украинская традиция: каждую осень скакать на Крещатике. Поэтому наш город как работал, так и работал. Ну да, они там прыгают и хотят в ЕС, а мы хотим в Таможенный союз. Надеялись, что будет референдум по этому поводу. Никто не ожидал, что так всё произойдёт. Но когда начались столкновения с «Беркутом», народ здесь начал понемногу активизироваться.

– А где вы были, чем занимались в этот момент?

– У меня был свой бизнес, им я и занимался. Осознание у меня появилось тогда, когда я поговорил с теми, кто вернулся с Майдана. Вот тогда меня это начало тревожить.

– А кто оттуда возвращался?

– Наш «Беркут»: многих из них я лично знаю, и они рассказывали, что там действительно происходило.

Но сдвиг у меня произошёл даже не от этих разговоров. В один прекрасный зимний вечер я сидел дома, за ноутбуком, и наткнулся на выступление главы харьковского «Оплота» Евгения Жилина – ролик под названием «К нам пришла война». И меня поразила одна вещь: когда «отец» польский или греко-униатский призывает огнём и мечом выжечь Донбасс. Избивают «Беркут», горят дома... Я этот ролик просмотрел раз десять. Я вообще редко пью один, но в этот вечер я выпил три бутылки водки. Я посмотрел и вспомнил своего деда, вспомнил своего прадеда, в общем, во мне всё перевернулось.

Я выезжал в Черкасы, в Харьков два раза ездил: когда там штурмовали администрации. В Запорожье тоже был. Если вкратце: я вскоре разочаровался в движении, которое занималось захватом административных зданий: бейсбольные биты, прочее. Не то.

Рванул на Киев. Попал уже на финал всего этого действия – был февраль, точно не помню, какое число – 10-е или 11-е – и мы там простояли дней восемь. И, когда Янукович всё сдал, в ночь на 22-е мы ушли, потому что уже было опасно в Киеве оставаться. И на самом деле еле спаслись.

«Тот человек, или те люди, – думаю я, – которые упустили тогда Захарченко со товарищи: как им теперь хочется укунить свой локоть».

– У вас там уже была своя команда? – спрашиваю.

– Было очень много донецких. Я пошёл в Мариинский парк, там из Донецка, из Макеевки ребята уже стояли. То есть отдельной команды не было: знакомились на месте, и пер-

вый костяк ячейки противостояния сформировался со мной в Киеве. Последний из их числа недавно умер, Лёха Титушка.

– То есть... все погибли?

– Да. Последним умер Лёха. У него было ранение в ногу, началось осложнение, он не просил ничего, даже не обращался к врачам. Заражение крови – и скончался. После ранения три месяца пожил и не вытянул пацан.

...Когда мы уезжали из Киева, и по нам стреляли из боевых автоматов, из настоящего боевого оружия, я понял, что это всё смешно, чем мы вооружены: травматические пистолеты, цепи, кастеты. И я, наверное, был тогда более радикален, чем все остальные.

Я уже тогда предлагал брать в руки оружие и заниматься настоящими мужскими делами, которыми уже занимались на той стороне... Раскол был, кричали, что это преждевременно.

Вернувшись, я создал свою ячейку и назвал её «Оплот Донбасса».

* * *

Официальный представитель МИД Донецкой народной республики Константин Долгов – свидетель того, как всё это было в Харькове; он там жил и работал.

Мы встретились с ним в фойе одной донецкой гостиницы: я ему позвонил, он приехал минут через десять. Либо проезжал мимо; либо дел у МИД ДНР пока не так много.

Долгов – невысокий, миловидный мужчина, по виду – удачливый столичный парень: такие в России представляют законченную и не переубеждаемую буржуазию.

В этом смысле у меня сразу случился слом шаблона. Тип лица – не совсем славянский; я, недолго думая, спросил, что за южный народ замешался в род к Долговым. Оказалось: дед грек; обычная вещь на Украине.

– Родился в Харькове, в 1979-м, – рассказал Долгов, сразу заказав себе кофе, и в течение разговора выпив несколько чашек (алкоголя он не пьёт совсем). – В прошлой жизни у меня было своё PR-агентство. В 2012 году появилась тема Таможенного союза. В продвижении этой темы я принимал участие по идеологическим соображениям: мне это было близко. В плане идеологии я убеждённый человек, если не сказать – отмороженный. Убеждения мои сложились ещё в 2004 году, когда был первый майдан, когда началась героизация УПА. С тех пор «сепаратирую».

– Как у вас в Харькове всё начиналось?

– 22 февраля в Харькове собрался съезд. Главной и, может быть, единственной ошибкой харьковчан, как, впрочем, и жителей других регионов Юго-Востока, была надежда на местную власть. Съезд вполне напоминал сепаратистский. Я там был в рядах зрителей.

Все были с Георгиевскими ленточками – Кернес, Добкин и другие ребята. Ждали Януковича, но он так и не появился на этом съезде – просто струсил.

В кулуарах говорили, что в стране произошёл антиконституционный переворот. Что до наведения конституционного порядка власть переходит к местным советам. Это всех устраивало и в резолюции было отражено. Был проект Миши Добкина, который просуществовал один день, назывался он «Украинский фронт».

Съезд проходил во Дворце спорта, а на улице была собрана сцена, для трансляции этого события. Ещё не успели разобрать сцену, когда в тот же день, вечером, Добкин и Кернес полетели на встречу к олигарху Игорю Коломойскому, где были приняты диаметрально противоположные решения. Это и понятно – Коломойский был одним из спонсоров Майдана, а Кернес – младший бизнес-партнёр Коломойского. В итоге они полностью переметнулись.

Ситуация на тот момент выглядела примерно так: Янукович сбежал, в Киеве происходит что-то жуткое, и что будет дальше, никто не знает. К тому же, здание Харьков-

ской гособладинистрации вечером 22-го числа заняли бандеровцы. Частью привезённые, частью местные, 50 на 50.

– Писатель Сергей Жадан был среди них?

– Да. Он ещё в 2004 году был комендантом палаточного городка всей этой сволочи...

И 23 февраля мы уже обнесли памятник Ленину своим палаточным городком.

Для меня всё происходящее стало очень интересным и уникальным жизненным опытом. Я занимался политконсалтингом и запасы профессионального цинизма во мне были накоплены достаточно серьёзные. Проще говоря, я не верил в соотечественников.

Я знал, что любой митинг можно собрать за деньги.

Вообще, тот, кто проработал в СМИ более пяти лет, – это человек с деформированной психикой, циник...

И я просто офигел, когда увидел на нашей площади в Харькове (самой большой в Европе, второй по размеру в мире, после Тяньаньмэнь) сто тысяч человек. Люди пришли сами и им никто не платил. И я пересмотрел свои взгляды.

– Сто тысяч?!

– Да, 1 марта был митинг, на котором было сто тысяч человек. Люди потому и собрались на площади, что администрацию захватили какие-то бандеровцы. Добкин с Кернесом пытались перехватить инициативу, поставили сцену со звукоусиливающей аппаратурой и начали такую жвачку, что, типа, нам нужен мир, мы в рамках действующего законодательства призываем вас...

«Бандерё» почувствовало безнаказанность и стало дерзко себя вести: кидать камни и прочее. Но, представляете, какая-то жалкая кучка и – толпа. Народ пошёл на штурм. Кернес это увидел, и они быстро свернулись и уехали. Штурм продолжался минут десять. «Бандерё» выбросило белый флаг. Мы тут же сделали коридор, чтобы избежать физической расправы над ними. Визитёров выводили на эту же сцену – спасибо Добкину и Кернесу, что её построили, – заставляли становиться на колени и извиняться перед харьковчанами. Это был порыв души харьковчан, ничего не поделаешь.

Ошибка была передать этих задержанных в руки милиции, но их передали. После чего визитёров отпустили. И никто из тех людей, что заняли администрацию, не был подвергнут никакому наказанию. В то же время, участники штурма 1 марта до сих пор подвергаются уголовному преследованию: ряд ребят сидит, некоторых удалось обменять. То есть, они считают, что это мы его захватили. А мы его освободили!

В любом случае доверяться милиции было нельзя, хотя низовой состав был там абсолютно за наших.

Накал страстей не спадал и после 1 марта. Каждое воскресенье был митинг. Народ жаждал речей, любил ходить по улицам!

Но очень быстро стало понятно, что мы заложники прежней недалёковидной политики. Дело в том, что на одну пророссийскую общественную организацию в Харькове уже были сотни общественных организаций, которые продвигали тему НАТО, гендерное равенство, однополые браки и прочую немыслимую чепуху. Даже помощь бездомным животным – и ту осуществляли организации, которые сидели на грантах. Сотрудничество с пророссийскими организациями явно было не на уровне, и более того – носило характер скоморошества. В итоге: у огромного народного пророссийского движения не было лидеров.

3 марта я понял, что грядут трудные события, которые я не могу предугадать. Обманом я вывез семью в Москву – под предлогом, чтоб они погостили там две недельки. Но в итоге получилось, что они уехали даже не берусь прогнозировать на сколько.

У меня встала вся работа в связи с переворотом, но я был достаточно обеспеченным человеком и тратил личные средства на всё происходящее. Когда мы организовывали сцену, был свободный микрофон, безумный хаос первых митингов, на сцену поднимались город-

ские сумасшедшие, которые несли явную ахинею, боясь при этом, что их привлекут за сепаратизм и призывы к федерализации. По-моему, я был одним из первых, кто вылез на этот «броневичок» и сказал людям то, что они хотели услышать: «Россия, референдум, Таможенный союз». Люди любят искренность и честность. В Донецке тогда вышел Павел Губарев и напрямую рубанул. Народ, уставший от лжи, ахнул и сказал ему – ты будешь нашим губернатором. У нас была похожая ситуация. Наметилось несколько лидеров протестного движения, в том числе моя скромная персона. Но у нас не было единого мнения о том, что нам предстоит делать. Ситуация усугублялась. Сторонники Майдана всё крепче влезали в систему управления. Милиция и высшие чины присягали на верность хунте – «Беркут» в том числе.

14 марта в центре Харькова боевики ультрарадикальной, профашистской организации «Патриоты Украины» во главе с Андреем Билецким (командир «Азова»; у них уже тогда было оружие) захватили здание в центре Харькова, устроили пальбу из окон, погибло два антифашиста.

Боевиков блокировали сначала обычные харьковчане, вообще безоружные, потом подъехала и окружила здание милиция. Кернес ходил на переговоры.

В Сети есть десятисекундное видео, где он заходит, улыбаясь, и держится совершенно свободно. Человек, который идёт на переговоры с боевиками и так себя ведёт – он либо отмороженный и совершенно не дорожит своей жизнью, либо просто идёт к своим друзьям. Думаю, Кернес финансировал эту организацию. Он просто раскладывал яйца по разным корзинам, и Билецкий – его выкормыш. Кернес зашёл и поздоровался с ним как со старым знакомым. Билецкого он вывез оттуда на своём автомобиле. Остальных даже не «запаковали», на следующий день все они оказались в Полтаве. Сейчас воюют в батальоне «Азов», а Билецкий – народный депутат Украины. Никто не понёс наказание за убийство двух человек в центре Харькова.

6 апреля у нас проходил очередной митинг, на который вышло 50 тысяч человек. Был погожий хороший день, воскресенье.

Тогда как раз пришли известия из Донецка и Луганска: в Донецке взяли ОГА², в Луганске – СБУ. К тому моменту на нашем митинге остались самые стойкие, тысячи полторы. Пара человек сразу же восприняли это как сигнал к действию и были готовы идти и немедленно вешать киевскую хунту. Я был против, считал, что нас мало, но у нас решения принимались коллегиально, и я оказался в меньшинстве. Мы вернулись на площадь, подогнали наш броневичок ближе к администрации. Стали звонить всем своим знакомым. Нам удалось собрать 15 тысяч человек, и мы приготовились к штурму. В результате договорённости со средним составом милицейского руководства – милиция была за нас – мы штурм, по сути, имитировали. Кажется, одному курсанту в давке разбили губу локтем – вот и все потери. Мы заняли здание в ночь на 7-е число.

На следующий день мы пригласили депутатов муниципального харьковского совета. Мы хотели, чтобы они отчитались перед инициативной группой граждан. Пришло только два депутата. Мы объявили совету вотум недоверия. Тут же мы избрали народных представителей, после чего провозгласили Харьковскую народную республику.

Пошли вторые бессонные сутки: мы только что наладили охрану здания, пропускной режим и т. д., и собрался импровизированный «совет в Филях». Я говорю, смотрите, пацаны, силы не равны, завтра сюда приедет два человека с «калашами», у каждого по одному рожку, – мы проиграем. Мои оппоненты стали возражать, что мол, нет, нас тут пять тысяч человек, мы не дрогнем. Нет, говорю, нам нужно развивать успех, потому как, по словам Энгельса, оборона есть смерть всякого вооружённого восстания. Прежде всего, нужно бло-

² Областная государственная администрация.

кировать СБУ, телевышку, брать райотдел и вооружаться. Нет, говорят, у нас мирный протест. Сейчас я понимаю, что часть людей к нам была умело внедрена Кернесом.

8-го утром я уехал немного поспать и чудом не попал под раздачу. В полшестого приехали ЧВКшники³ под видом украинского спецподразделения. Все как на подбор одинакового роста, в касках и в масках, с автоматами. Произошла зачистка. Взяли сто человек, часть из которых до сих пор в тюрьме, с 8 апреля. Я сразу же сменил место жительства в Харькове. Через неделю, 13 апреля, была последняя (к сожалению, неудачная) попытка штурма уже горсовета – там, где резиденция Кернеса.

Был митинг, собралось около 50 тысяч человек. Мы прошли от стандартного нашего места сбора – облгосадминистрации – к горсовету. Мы окружили горсовет, нам удалось ворваться внутрь, Кернес забаррикадировался. Приехал «Беркут», который стал якобы между нами, но на самом деле они были за Кернеса. Возникла патовая ситуация – ни туда, ни сюда. У харьковчан была боязнь Кернеса, как ушлого дельца, к тому же, часть наших людей ушла на СИЗО, часть вошла во внутренний дворик, дальше нас не пускают, всё, персональная ответственность наступает.

Тут Кернес мне звонит: «Что ты хочешь? Убери людей». Нам, отвечаю, нужно официальное решение о том, что вся власть переходит к местным советам, и необходим допуск на телеканалы.

Заходите, говорит Кернес, поговорим. Мы посоветовались, посовещались и зашли вчетвером. Внутри, кстати говоря, я к удивлению своему увидел людей, которые были в толпе и умело её делили. Кто-то из них кричал – «Бей жидов!», кто-то выкрикивал что-то типа «Да шо ты плетёшь!».

Мы составили список наших требований и дали на подпись Кернесу.

Потом вернулись и зачитали ответ: типа, городской голова внял требованиям митингующих, нам обеспечат эфирное время, ещё то-то и то-то. Здесь, как назло, грянул ливень, и народ разошёлся.

19-го числа я вышел на улицу – и люди без опознавательных знаков меня заломали, надев мешок на голову. Я оказал сопротивление, думал, что это «правосеки» и меня сейчас в лес отвезут, и с концами. Но повезли меня ко мне домой. Я понял, что всё-таки это милиция. Арестован я был по личному приказу Авакова. Там у него есть такой Дмитрий Брук, журналист карманный, который ему писал: «... вот ещё имеется пророссийская сука Костик Долгов, который очень умело этих всех гнид организывает».

Мне подбросили ржавый револьвер ещё царских времен.

Плюс, к подброшенному пистолету, нашли у меня два десятка флагов РФ. Да, я покупал флаги РФ за свои деньги. Ездил в Белгород и вывозил их на себе, потому что те пятьдесят тысяч, которые стандартно выходили на митинг, – каждый раз это были разные люди.

Но флаги-то должен был кто-то купить и привезти. Самая популярная речёвка была – «Россия», вторая – «Референдум».

Повезли меня на ИВС⁴, потом в СИЗО. Месяц я провёл в тюрьме, потом вышел под залог, который внёс мой товарищ Олег Царёв.

– Ты анализировал, почему в Донецке получилось, а в Харькове нет?

– Местные элиты предали восстание и там, и здесь. Только из Донецка им пришлось убежать. Знаешь почему? Я по деду своему сужу. Он тридцать лет отработал в шахте, и Великую Отечественную прошёл ещё. Я его спрашиваю: страшно ли в шахту спускаться. «Да вообще, – говорит, – кошмар». И так каждый день! Особый тип людей на Донбассе. А

³ ЧВК – частная военная компания.

⁴ Изолятор временного содержания.

в Харькове – больше интеллигенты. Почему тут получилось? Потому что – чем ты можешь испугать шахтёра? Чем ты можешь испугать моего деда?..

– Количество задержанных в Харькове ты можешь оценить?

– Спустя почти два года после тех событий, более тысячи человек находится в СИЗО, в тюрьмах, в секретной тюрьме СБУ – в самом центре Харькова, в управлении СБУ. Там люди сидят без оформления, родственники не знают, где они. Аналог тюрьмы ЦРУ на базе Гуантанамо – пытки, издевательства. Сколько людей в Харькове просто погибло – до сих пор не могу в это поверить. Нам удалось достать оттуда несколько человек, посредством обмена. Моё мнение – Харьков на сегодняшний день мировой лидер по количеству политзаключённых в пересчёте на душу населения...

* * *

6 апреля 2014 года в Донецке прошёл очередной митинг, переросший в шествие к зданию администрации. В 14:50, после короткой стычки, было взято штурмом здание областной власти, а на нём водружены российские флаги.

Возле здания начали возводить баррикады.

В одном популярном украинском блоге я, с внутренней ухмылкой, прочитал в тот день: «Алё, донецкие. Хватит одного Майдана. Быстро за работу».

Захарченко говорил про этот самый апрель – что он тогда ещё не был злой.

7 апреля в здании Донецкой ОГА были оглашены Декларация о суверенитете ДНР и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой народной республики.

Тогда же, 7 апреля, активисты пытались взять администрацию в Днепропетровске – но неудачно: в ряды активистов были заранее введены люди Игоря Коломойского.

В тот же день Турчинов объявил о начале антитеррористической операции в отношении людей, занявших административные здания в Донецке, Луганске и Харькове.

На 8 апреля украинские силовики запланировали штурм Донецкой ОГА.

Донецкий «Беркут» отказался выполнять приказы. Но кроме «Беркута» имелось ещё и спецподразделение «Альфа» – две тысячи человек.

9 апреля глава МВД Украины Арсен Аваков сказал, что ситуация в регионах с режимом АТО⁵ имеет два варианта решения – политический и силовой, – и разрешится в течение 48 часов.

Такие высказывания надо складывать в копилку и время от времени извлекать, смотреть на свет, перебирать в пальцах.

10 апреля на странице Павла Губарева в соцсети появилось сообщение: «Молния! Штурм Народного совета ожидается в ближайшие 3–4 часа! Все к зданию Народного Совета!»

Денис Пушилин объявил о создании народной армии ДНР.

– ...Зарыто было много чего, – спустя два года рассказывает Захарченко, чуть посмеиваясь. – И самое интересное, что зарыто было не только у меня. В эту ночь, подозреваю, с пол Донецка ходило на огороды с лопатами и копало. Выкопали и ППШ, и «шмайсеры», и всё что хочешь. На углах утром стояли немецкие пулемёты. Утром 10-го числа Донецк был не вооружённый, а 11-го числа вооружены уже были все.

– Можно предположить, что и с той стороны – на Волыни, во Львове – тоже отрывали что-нибудь, когда события были у них?

⁵ Антитеррористическая операция.

– Я на Майдане видел СКСы⁶. Причём охотничьи СКСы. И ещё видел две винтовки: одна СВД⁷, другая – австрийская снайперская. Это всё, наверное, туда завезли влиятельные сторонники Майдана. Если бы люди открыли винтовку Мосина, это было бы заметно... Мне кажется, они начнут рыть, когда их самих начнут кошмарить.

Боевое противостояние в Донецке должно было начаться уже тогда, но – не началось.

11 апреля руководство спецподразделения «Альфа» в Донецке отказалось выполнять приказ вице-премьера Украины Виталия Ярёмы о штурме здания Донецкой ОГА.

– Я пошёл по пути качества: у меня было хорошо слаженное боевое подразделение, – говорит Захарченко. – На тот момент, в той ситуации – отлично вооружённое, потому что у нас из пятидесяти семи человек у сорока трёх были автоматы. У нас были пулемёты, снайперские винтовки, РПГ: всё, что необходимо разведроту, мы имели. Мы были слажены, разбиты на отделения, которые имели своих командиров. Почему «Альфа» не пошла на штурм? Потому что заранее, понимая, что утром будет штурм, я показательно завёл внутрь своё подразделение с развёрнутым знаменем, с расчехлёнными стволами. Все видели, что мы вооружены. Я ещё и взрывчатку туда взял: короче, усиливал оборону здания. «Альфовцы» потом сказали, что побоялись больших потерь. Причём они понимали, что нас сломят – всё-таки они специалисты – но потери среди наступавших были бы слишком ощутимы...

Это был важный день.

Если украинская власть когда-нибудь начнёт подсчитывать свои ошибки, искать те дни, когда могло случиться всё иначе – то вот один из них. 11 апреля две тысячи бойцов «Алфы» после кровопролитного боя могли взять ОГА, и убить на месте Захарченко.

* * *

12 апреля, в субботу, в Донецке была взята областная прокуратура.

Утром того же дня на территорию Донецкой республики вошла группа бывшего полковника ФСБ (был уволен в запас в марте 2013 года) Игоря Стрелкова – пятьдесят два человека доехали на автобусе в город Славянск, где захватили городотдел милиции и СБУ.

Потом прибыло ещё шестеро.

Среди этих пятидесяти восьми был будущий легендарный командир Арсен Павлов – «Моторола».

Поначалу бойцов Стрелкова приняли за «вежливых людей» – представителей российских спецслужб; но вскоре выяснилось, что это всего лишь отряд добровольцев, в основном – из Украины (в том числе, например, из Киева); граждан России среди них было всего девять.

Зашли они с территории России; рассказывали, что спонсировал экипировку и вооружение этой группы российский бизнесмен Константин Малофеев. По другим данным, это была инициатива крымских управленцев и бизнесменов.

Чьи бы деньги не были вложены в отряд Стрелкова – стоит напомнить, что идентичные действия тогда же предпринял украинский олигарх Игорь Коломойский, уже создавший к апрелю свои частные военные подразделения, в том числе – на основе «Правого сектора» (в чём позже признается сам Дмитрий Ярош – глава «правосеков»).

В тот же день, 12 апреля, восставшими был взят под контроль горотдел в Краматорске: инициаторами выступили местные жители – в основном ветераны войны в Афганистане, десантники и пограничники. Несколькими часами позже в Краматорск подъехали казаки и неизвестные люди в форме, завязалась перестрелка, на счастье, обошлось без жертв: вскоре

⁶ Самозарядный карабин Симонова.

⁷ Снайперская винтовка Драгунова.

выяснилось, что это не «Правый сектор», а «Народное ополчение Донбасса» – так называли себя прибывшие.

13 апреля противниками Майдана были взяты здания администраций в Енакиево, Красном Лимане, Горловке, Мариуполе.

С какого дня вести отсчёт этой войне?

С первого убитого из числа «Небесной сотни»? С первого убитого бойца «Беркута»?

С «самоустранения» Януковича, сбежавшего 21 января?

С захвата митингующими ОГА в Донецке 6 апреля?

Первая кровь на Донбассе пролилась 13 апреля: активисты местного антимайдана Рубен Аванесян и Валерий Долгих везли в Славянск амуницию и были обстреляны. Аванесян погиб, Долгих был тяжело ранен.

Семье погибшего Аванесяна стремительно набрали 30 тысяч гривен. Валерию Долгих на операцию – 100 тысяч гривен. Никто даже не догадывался, сколько ещё будет убитых и раненых.

14 апреля исполняющий обязанности президента Украины Александр Турчинов подписал указ о проведении АТО на востоке Украины. Официальное начало войны: этот день.

Тогда же, 14 апреля, ещё не зная, что в городе Стрелков со товарищи, так называемая самооборона Майдана – бойцы «Правого сектора» – проникли в Славянск. Возле церкви случилось побоище, погибли двое, как их в Киеве уже начали называть, «сепаров».

15 апреля Арсен Аваков выложил указ Турчинова о начале АТО на своей странице в фейсбуке и приписал: «С Богом!»

В тот же день, 15 апреля, одна из мобильных групп отряда Стрелкова расстреляла машину киевской «Альфы», двигавшейся в сторону Славянска. Теперь появились погибшие и со стороны Киева.

16 апреля «Оплот Донбасса» во главе с Захарченко решил взять под контроль Донецкий горсовет. В этот же день горсовет собирались захватить люди олигарха Рината Ахметова, игравшего свою игру на сломе интересов меж Москвой и Киевом.

Узнав о намерениях Ахметова, Захарченко отреагировал молниеносно: надо их опередить.

Уже из здания горсовета было выдвинуто требование Киеву о референдуме, назначенном на 11 мая, дабы определить статус Донецкой области.

После горсовета подразделение Захарченко взяло под контроль телецентр.

– Когда я взял телецентр, – рассказывал он, – это было единственное здание в Донецке – в этом сами спецназовцы признались мне, – к которому они побоялись бы подходить. Телецентр был настолько грамотно заминирован и так грамотно выставлена оборона, что они понимали: в случае штурма будут огромные проблемы у них. У меня было три линии обороны, три линии минных полей, мины-ловушки, замки минные: там всё было расставлено с умом. Они бы не прошли. И они не пошли.

17 апреля в самом Донецке случился первый бой: «сепары» попытались захватить часть внутренних войск МВД, началась перестрелка, погибшие были с обеих сторон.

Всякий, кто посетует на незаконность и, более того, негуманность происходящего, при минимальном размышлении сможет догадаться, что в Донецкой и Луганской областях началось, а вернее сказать – продлилось ровно то же самое, что и почти всю зиму происходило на Майдане, а затем в других городах Западной Украины, где захватывались милицейские части и оружейные склады.

Всякий не признающий этой элементарной картины – глупец или фарисей.

Донбасс всего лишь стремительно обучался на чужих примерах борьбе за свободу. Просто представления о свободе в разных частях Украины оказалось диаметрально противоположными.

19 апреля под Славянском восставшими были разоружены 26 сдавшихся в плен десантников 25-й аэромобильной бригады ВСУ.

20 апреля на блокпосту Былбасовка возле Славянска произошла стычка с бойцами «Правого сектора», пытавшимися прорваться на четырёх джипах на стратегическую гору Карачун. Погибло трое ополченцев и один из бойцов «Правого сектора». Два джипа сгорели.

24 апреля украинские силовики выбили восставших из горсовета в Мариуполе. (Но ситуация там ещё не раз изменится.)

В тот же день на окраине Славянска ВСУ захватили три блокпоста. (И позже их оставили.)

1 мая, после очередного митинга в Донецке, восставшие (в основном, безоружные люди) пошли на штурм прокуратуры, которая по-прежнему подчинялась новой киевской власти, и оставалась последним органом власти, не подчинявшимся ДНР.

В результате часового противостояния с нацгвардией было 26 раненых с обеих сторон. Прокуратуру взяли. Флаг Украины, висевший над зданием, сожгли.

* * *

Вся эта донбасская история в очередной раз наводит на простые мысли.

Мы общались как-то с Андреем Пургиным – в пору, когда он ещё был одним из первых лиц в Донецкой народной республике и возглавлял Народный совет.

Пургин – невысокий, самоуверенный, быстро говорящий человек, любящий горький шоколад, и похожий сразу на трёх писателей-почвенников одновременно: Абрамова, Белова и Личутина. Его можно было бы к ним четвёртым приставить, и они бы смотрелись как русские пахотные мушкетёры.

Пургин из тех людей, которые однажды решают: «I have a dream» – и потом, вдруг, их мечта сбывается, вопреки всему.

Лет за десять до возникновения Донецкой народной и Луганской народной республик, Пургин уже болел идеей Новороссии – в связи с этим он годами находился под колпаком украинским спецслужб, и не сажали его, во-первых, из лени, во-вторых, по той причине, что ничего экстремистского он не совершал, а в-третьих, и это главное, на Украине, как и в России, самые серьёзные люди всегда уверены, что всё и всегда решают исключительно они.

А всякие фрики созданы для того, чтобы оставаться фриками навек.

Вообще этот закон, как правило, работает. Работает, работает, работает – а потом, вдруг раз, и отключается.

В наши времена он отключается настолько часто, что впору формулировать новый закон.

На территории СССР, да и на территории Евразии, включая часть европейских стран, столько раз менялась власть – вчера ещё, казалось бы, совершенно незыблемая, – что уже можно было бы научиться делать из этого какие-то выводы. Но никто не делал.

Когда всё закружилось, Пургин – он сам мне говорил – однажды виделся с Ринатом Ахметовым: негласным хозяином Донбасса, владельцем такого количества мощностей, производств и хозяйств, что влияние его было близко к абсолютному.

Он был настолько богат, что мог позволить себе подарить Донецку стадион стоимостью 400 миллионов долларов.

Возле этой, действительно бесподобной, будто выстроенной космическими пришельцами, «Донбасс Арены», я любил прогуливаться в солнечные дни 2014 года: тогда Донецк бомбили в ежедневном режиме, и в эту самую «Донбасс Арену» тоже периодически прилетало.

Характерно, что про Ахметова я услышал ещё раньше – когда крымская история даже не начиналась, но уже громыл Майдан.

Мы встречались с очень влиятельными людьми, из высоких околосмоленских сфер. Они – скорей, в шутку – спросили у меня: «Что будем делать с Украиной?»

Я сказал: Крым и Донбасс надо забирать, условия для этого есть.

Большие люди снисходительно покивали большими головами. Я отлично отдавал себе отчёт, что они принимают меня за редкостного чудака и мечтателя.

В тот раз мне терпеливо объяснили, что Донбасс никуда не денется – там сидит Ринат Ахметов, а он, в сущности, наш человек.

По данным журнала «Forbes», состояние Ахметова к 2014 году составляло 11,2 млрд долларов – он был самым богатым украинским бизнесменом и владел двумя десятками крупнейших донбасских предприятий.

Я тоже покивал головой. Толком не зная тогда, кто такой Ринат Ахметов, и не пытаясь даже мысленно сформулировать своё к нему отношение, я осознавал простую вещь: Ринат не «наш», а «их» человек. К сожалению, это разные вещи.

В «их» категориях не существует независимого Донбасса, там нет Новороссии, хоть в качестве отдельного государства, хоть в составе России. Зато там имеются и много весят какие-то очень далёкие от меня вещи, вроде финансовой целесообразности, международных норм и общности экономических интересов.

Ещё там существуют «серьёзные люди», которые с удовольствием иной раз пообщаются с чудаками и фриками, но сделают всё равно так, как диктует им их здравый смысл.

Их, а не наш.

Пургин что-то, скорее всего, столь же радикальное, или, может быть, менее радикальное, но более конструктивное говорил Ахметову, а тот ему отвечал, что у него триста тысяч рабочих, и тридцать тысяч охраны, или три тысячи курьеров – я не знаю этих цифр, вы сами можете уточнить, – в любом случае Ахметов, наверное, не очень понимал, зачем он всё это объясняет какому-то Пургину.

Тот самый Ахметов, который мог на свои карманные деньги без труда вооружить армию, эскадрилью, межзвёздную экспедицию!

Стоит вспомнить и головастого, небритого, не очень умеющего улыбаться Павла Губарева, за которым, как и за Пургиным, никто не стоял.

У меня, помню, в феврале 2014-го ещё оставались знакомые в Киеве, которые могли позволить себе со мной поспорить, и они писали мне: твой Губарев – выкормыш Януковича.

Я отвечал, что мне плевать; но я им, скрывать не буду, в тот момент верил. И думал: выкормыш, ну и ладно.

Оказалось, что всё враньё – Губарев выпал на донецкую, полную народом, площадь, как птенец из гнезда, и неистово стал размахивать крыльями.

Когда его избрали народным губернатором – и это показали по российскому телевидению – «серьёзные люди», в том числе ахметовские, начали предлагать ему деньги – сначала сто тысяч долларов, потом миллион долларов, потом десять миллионов – чтоб он сделал какие-то вещи, о которых его просили. (Судя по всему, ему предлагали стать человеком Ахметова, или хотя бы вслух об этом сказать. За десять миллионов долларов!)

Губарев денег не взял – а зря, потом на них можно было бы купить много оружия или нанять батальон добровольцев, откуда-нибудь из Мексики, просто шутки ради, чтоб было ещё веселее.

Когда пришло время Захарченко – Ахметов предлагал деньги и ему, причём за сущие пустяки, – что-то там нужно было сказать в интервью, сделать поклон в сторону Ахметова. Захарченко, конечно же, не сделал этого.

Впрочем, речь сейчас не о деньгах, речь о том, что «серьёзные люди» всегда уверены: за кем угодно, кто появился и стал замечен, – должен кто-то стоять.

«Кто за тобой стоит? – Никто. – Как никто? А если мы тебя убьём? – Ну, убейте. – ... Нет, кто-то за тобой стоит...»

Некоторое время «серьёзные люди» пребывают в задумчивости и никого не убивают... И вдруг мир переворачивается с ног на голову.

Янукович имел целую «Партию регионов» – внутри неё был вскормлен выводок очень «серьёзных людей».

«Партия регионов» владела едва ли не всей страной, была ведущей политической силой державы, имела в хвост и в гриву политику, экономику и медиа-сферу Украины – но пришли несерьёзные люди на Майдан и «Партия регионов» от удивления раскрыла рот. В рот залетела муха, построила там гнездо, стала жить внутри.

«Серьёзные люди» всегда ждут, что кто-то придёт к ним договариваться: они так привыкли договариваться, дня не могут прожить без того, чтоб с кем-нибудь не договориться.

Но тут является Ярош, или Моторола, или ещё кто-то, не важно кто – такие, вроде бы, незначительные персонажи, которые для «серьёзных людей» были неразличимы даже в лорнет.

И вскоре всё идёт наперекосяк. С чего бы?

А история, в итоге, заканчивается тем, что в программе Савика Шустера, в разгар АТО, звучит призыв: Донбасс, одумайся и верни своего хозяина – Рината Ахметова.

Так и сказали по телевизору на всю страну: хозяина!

А то хозяин очень огорчается.

Мы сидели с Захарченко в его кабинете, когда пришла новость: Ринат Ахметов решил открыть своё телевидение в Донецке. Видимо, киевское телевидение плохо действовало на дончан, и хозяина они всё никак не звали.

После двух лет войны хозяин решил вернуться.

Ахметовские ребята сняли офис в Донецке, завезли аппаратуру и сказали, что скоро начнут вещать.

– Они объявили себя телевидением? – иронично переспросил Захарченко. – Это, знаешь, как рота ОМОНа, закончив убирать поле конопли, улетела воевать в Космос с пиратами... Хорошая у них аппаратура?

– Отличная, – ответили главе, и назвали какие-то цифры, бренды и фирмы, на которые даже Спилберг отреагировал бы, подняв бровь.

– Замечательно, – сказал Захарченко. – Нам пригодится. Заберём всё. Потом кому-нибудь подарим, например, в Шахтёрск. – Ещё минуту подумав, добавил: – Может, это просто Ахметов так помогает? Напрямую не может и...

Наверное, надо пояснить, что, произнося последнюю фразу, Захарченко шутил.

В офис, снятый людьми Ахметова, приехали люди в красивой военной форме, и за час всю аппаратуру вывезли.

...Но всё это было позже. Много-много позже.

* * *

Теперь кажется, что всё ещё могло остановиться, но...

2 мая в Одессе случилось событие, которое для многих и многих имело значение непонравимое.

В день футбольного матча произошло столкновение между активистами Антимайдана, разбившими лагерь на площади Куликово поле, и сторонниками Майдана, чьи ряды существенно пополнили футбольные фанаты.

На Куликовом поле ничего предосудительного не происходило – там собирали подписи за проведение референдума и придание русскому языку статуса государственного.

Днём к сторонникам Антимайдана заявился агрессивный человек с оружием, которого удалось связать и сдать милиции.

Когда начались столкновения (сначала возле Русского театра и на улице Греческой), неизвестный в маске выстрелил в сторонника Евромайдана и смертельно ранил его. Однако выяснить, кто был этот провокатор, впоследствии не удалось.

Так всё начиналось. А закончилось просто чудовищно.

События в Киеве, в Харькове, в Донецке и Славянске, даже при том, что погибшие были и там, столь оглушительным образом не действовали на людей.

В сущности, понятно, почему.

На киевском майдане, на площадях крымских городов, Донецка, Луганска, Харькова – имело место противостояние огромных, в основном безоружных масс с представителями силовых ведомств.

Затем это перешло в столкновение одних вооружённых людей с другими вооружёнными людьми – на финальном этапе в Киеве, и, конечно же, в Славянске.

Всякий митинг, особенно массовый, тем более, приводящий к смене государственной власти, в любой стране мира может оборачиваться жертвами – ранеными и погибшими: в таких ситуациях это почти неизбежные потери.

Когда население берёт в руки оружие, выступая против власти, шансы противоборствующих сторон всего лишь уравниваются; что бы там по этому поводу не было написано в законах.

Происходящее в Одессе потрясло огромное количество людей показательным и каким-то разнузданным характером массовой и зверской расправы.

Не расправы безоружных активистов над озверевшими силовиками, нет! И не расправы озверевших силовиков над бунтарями.

Гражданские люди, которые посчитали, что дом Украины отныне в Европе, с наглядным удовольствием расправились над гражданскими людьми, которые думали, что будущее Украины по-прежнему в союзе с Россией.

В Харькове и в Донецке пойманных активистов Евромайдана проводили через строй, ставили на колени, заставляли просить прощения – всё это ужасно, что и говорить, – но ведь их не жгли, не рвали на части, не затапывали насмерть.

В Харькове «правосеки» Билецкого застрелили двух антимайдановцев – в Харькове! где никакой крови не пролилось ещё! – но бойцов Билецкого не сожгли за это вместе с домом.

В Донецке, да, в драке с активистами майдана, был забит толпой один боец «Правого сектора». Один. Могли бы всех убить. Но не сделали этого, и не собирались делать.

В Одессе же евромайдановцы ловко разгромили палаточный городок «сепаратистов», организованно загнали их в здание Дома профсоюзов и умело сожгли.

По официальным данным, в одесском Доме профсоюзов погибли 48 человек, в том числе старики, женщины, подростки. 214 пострадали. Хотя есть свидетельства, что погибших гораздо больше и среди них есть дети.

Очевидцы, из числа выживших в здании, рассказывали: «Получалось, что те, кто успел добраться до окон, разбить стёкла, не растерялся, те спаслись. А старики, женщины перепугались и сгорели заживо. Некоторые выбирались на карниз, но под ёлками стоял снайпер. Впереди его закрывали люди с видеокамерами, которые снимали падающих из окон, специально этого снайпера прикрывая, а он с колена расстреливал людей».

Свидетельств, что у нападавших было огнестрельное оружие и они стреляли по окнам, – более чем достаточно.

Глава управления Госслужбы Украины по ЧС в Одесской области Владимир Боделан рассказал, что сначала буквально умолял активистов Евромайдана допустить спасателей к зданию – так как милицию ему в помощь не дали, сколько не звонил в высокие кабинеты, – и только после долгих уговоров спасатели смогли начать работу. Они вынесли и вывели из здания более 350 человек, при этом многих выбравшихся из здания избивали так страшно, что некоторые долго не решались покинуть горящий Дом профсоюзов.

Милиция наблюдала избиение, не вмешиваясь; или почти не вмешиваясь.

Подъехавших пожарных и «скорую помощь» к Дому профсоюзов не допускали всё те же бесноватые ребята и девчонки – радители и победители Майдана.

Когда пожар уже потушили, евромайдановцы всё равно стояли у здания, ожидая, не выползет ли ещё кто-нибудь живой.

На следующий день после массового убийства сотни блогеров на Украине полнились радостью и спесью по поводу «жареной ваты» и «горелых колорадов».

Во время демонстрации кадров пожара в Доме профсоюзов, собравшаяся в программе Савика Шустера публика начала... аплодировать. Им – понравилось.

Трагедия стала поводом для совершенно аномального по глупости и подлости вранья некоторых сторонников Майдана, сначала утверждавших, что массовое убийство в Доме профсоюзов – это провокация российских спецслужб (и лично Владислава Суркова), затем, что собравшихся в Доме профсоюзов поддерживала одесская милиция (поддерживала, но убивать не мешала?), затем, что сгоревшие были вооружены (а почему они не покосили из пулемётов своих убийц?).

Характерен в этом смысле пост активиста Майдана, российского журналиста Аркадия Бабченко, опубликованный по, простите за чудовищный каламбур, горячим следам на «Эхе Москвы».

«По поводу Одессы могу сказать только одно. Вооружённые люди пришли за спинами ментов, желая бойни и трупов?

Вооружённые люди получили бойню и трупы. Они думали, что это будут не их трупы?

Нет. Это будут и их трупы тоже.

Всем русским “патриотам”, орущим теперь про фашистов и желающим “закатать хохлов в асфальт” – вы думаете, не будет и ваших трупов?

Нет. Будут и ваши трупы. Если начнётся по-настоящему – без ваших трупов не обойдётся. Никак. Поверьте.

Вы ждали, что будет как-то по-другому? Что достаточно побрызгать истеричными слюнями в монитор, и жидобандеровцы самозакатаются в асфальт и иннигилируются?

Нет. Они будут сопротивляться.

Если людей начать убивать – они будут убивать в ответ.

Кто бы мог подумать, да?

“Здесь будет тотальная партизанская война” – вас же предупреждали?

Вас же предупреждали, правда? Что посеяли, то и пожали».

Характерно, что вскоре Бабченко получит европейскую – если точнее: шведскую – правозащитную премию за беспримерную честность, смелость и бескомпромиссность.

Что ж, в каком-то смысле шведы правы: это и беспримерно, и смело, и бескомпромиссно.

«Вооружённые люди пришли за спинами ментов, желая бойни и трупов? Вооружённые люди получили бойню и трупы», – это он так про десятки сгоревших заживо, в адских муках, людей? В том числе – женщин и стариков?

О, перед нами мощный тип, любимец российской либеральной общественности, и совсем не рядовой блогер – но один из лидеров фейсбука по количеству подписчиков: хорошо поставленный голос колоссальной аудитории.

Не очень просто понять резоны шведских правозащитников, одаривающих своей благосклонностью человека, нашедшего такие твёрдые и мужественные слова для оправдания и объяснения омерзительного злодеяния; но это их дело.

Расчёт всех, кто одобрительно или, как вышепротитированный тип – с наигранной стоической суровостью, воспринял массовое сожжение людей, был прозрачен и прост: напугать «сепаратистов» Юго-Востока – и в первую очередь Донбасса, – до такой степени, чтоб они глаз поднять больше не посмели.

Но обернулось всё противоположным образом.

Если нужен истинный отсчёт войне: война началась 2 мая на Куликовом поле.

Потому что именно после 2 мая в ополчение Донбасса пришли сотни людей. Вскоре их будут тысячи. Затем счёт пойдёт на десятки тысяч.

Покатилась история с горки.

* * *

В тот же день, 2 мая, был предпринят первый штурм Славянска.

ВСУ заняли гору Карачун с телевышкой к юго-западу от Славянска. Оттуда они начнут обстреливать город, одновременно обвиняя в этих обстрелах «сепаратистов».

Во время штурма были сбиты из ПЗРК два вертолёт огневой поддержки Ми-24 и повреждён десантный вертолёт Ми-8.

3 мая ВСУ была произведена стихийная и весьма бестолковая попытка взять Краматорск.

5 мая началось противостояние ополчения и ВСУ у села Семёновка, стоящего на самом переднем краю, перед Славянском.

– Какие были ощущения тогда? – спрашиваю у Захарченко.

– Было ощущение, что нас всех поубивают. Не просто поубивают, а раскатают в хлам. Началась борьба за выживание.

Я молчу. Он курит и что-то листает в компьютере на столе. Что-то не связанное с насущными делами, я уже по его лицу научился определять. Чаще всего какие-то военные донбасские ролики в youtube крутит.

– Помнишь, с какого момента военная работа начала сочетаться с административной? – спрашиваю я. Захарченко поворачивается ко мне:

– Любое создание воинского подразделения связано с административной работой. Мы создали штаб. Наша группа взяла горисполком. Я прекрасно понимал, что он будет нужен новой стране.

Мы в ОГА держали только седьмой этаж – а вообще наше подразделение заходило туда только, когда нужно было оказать силовую поддержку. Мы зашли и вышли, зашли и вышли. А горисполком захватили мы. Во время захвата только разбили форточку и сломали ручку в туалете. В один прекрасный момент горисполком стал центром ДНР, потому что там остались все отделы, которые необходимы для существования города и всей страны. Это благодаря тому, что мы не дали его разнести.

Нас очень долго обвиняли, что мы его держим, зато сейчас никто ничего не скажет. Потому что если бы разнесли горисполком, то сейчас вообще ничего бы не было.

Понимая, что это здание нужно, я его взял. Плюс штаб. Плюс налаживание контакта с общественностью и с бизнесом, но это не было первоначальной задачей. Основной моей задачей было: собрать роты, батальоны, создать армию или хотя бы, на первом этапе, подразделения, на которые можно было бы рассчитывать.

– С вами тогда хоть кто-нибудь встречался? Я имею в виду: какие-нибудь из Киева были ходоки?

– Ходоков из Киева не было, кроме одного, генерала Рубана, он приезжал с целью обмена взятых в плен офицеров СБУ. Мы поменяли их на Лёню Баранова и Павла Губарева.

В тот же день, 7 мая, когда Павел Губарев вышел на свободу, из России появилась новость, на которую народ Донбасса, кажется, не обратил должного внимания.

Президент России Владимир Путин попросил руководство ДНР и ЛНР перенести на другой срок дату референдума.

Значение этой просьбы очевидно: никаких планов на Донбасс у российского руководства не было. Они представления не имели, что с этим делать.

8 мая депутаты Верховного Совета ДНР посоветовались и оставили дату прежней – 11 мая. Поздно переносить, решили на Донбассе, пока нас всех, под улюлюканье, не пожгли.

9 мая более ста бойцов «Национальной гвардии» Украины заняли пансионат «Шахтёрские зори» в Донецке, но в тот же день были выбиты приехавшими на двух «Камазах» бойцами батальона «Восток» и ополченцами из Горловки. Двое нацгвардейцев погибли, остальные сложили оружие.

В тот же день, 9 мая, произошло очередное побоище: во время празднования Дня победы в Мариуполе случилось столкновение с нацгвардией.

Результат – 9 погибших и 42 раненых среди пророссийски настроенных жителей Мариуполя.

Мариупольцы пришли поддержать городскую милицию, которая на тот момент отказалась выполнять приказы местной, присягнувшей Киеву, власти и, по сути, сохраняла нейтралитет.

Здание МВД уже было окружено силовиками. При пока не выясненных обстоятельствах, внутри начался пожар. По разным данным, погибло до пятидесяти сотрудников милиции.

На следующий день в Мариуполе объявили траур, что не помешало замаяданным активистам поджечь здания городской прокуратуры, городского совета и местной войсковой части. В городе воцарился хаос.

9 мая снайпер, находившийся на позициях ВСУ, убил (три попадания) 12-летнего мальчика в Славянске.

Все эти известия действовали на жителей Донецка ошеломляюще.

Захарченко как-то признался, что со 2 по 12 мая, за эти десять дней, едва ли проспал десять часов: бешеная нервная нагрузка и жуткая круговерть.

Они взяли на себя смелость объявить о создании нового государства. Нового, на карте земной, государства.

В последние дни перед референдумом были постоянные совещания: Пургин, Пушилин, Губарев, Захарченко...

11 мая прошёл референдум. Явка оказалась очень высокой: огромные толпы были на всех открытых участках.

Андрей Пургин, уже будучи главой Народного совета ДНР, вспоминал: «Я помню эти очереди невероятные, люди стояли по шесть часов... Всё строилось на чистом альтруизме, работа комиссий не оплачивалась. Вручную выписывались данные из паспортов, возили бюллетени и протоколы, и все знали, что работают бесплатно... Не было никакой типографии. Было собрано огромное количество плоттеров, которые поставили в ЦИКе, и люди всю ночь стояли и перекладывали бумагу. Там же ложились спать, их сменяли другие, но печать не останавливалась... Это был подвиг Донбасса».

По данным правительства ДНР, на выборы пришло 74,87 % от общего количества избирателей, 89,07 % из них проголосовали за независимость новой республики.

Украинские СМИ, как могли, острили по поводу этих выборов; но правду они всё равно знали. Донбасс отказался признавать итоги Майдана.

И за эту правду надо было отомстить.

Киевские власти оказались последовательны – как они не пытались договориться с крымским населением, до тех пор, пока Крым не вышел из состава Украины, так же произошло и с Донбассом: разговаривать, посчитали в Киеве, не с кем, надо давить.

К концу мая бои шли уже по всем направлениям: Славянск, Краматорск, Карловка, Луганск и луганщина.

25 мая на Украине прошли выборы – при этом в ДНР и ЛНР они не проводились, но вместо этого на территории республик Донбасса было введено военное положение.

Президентом Украины стал Пётр Порошенко.

В тот день в донецком аэропорту едва не попало в окружение практически всё ополчение Донецка, включая Захарченко и командира батальона «Восток» Александра Ходаковского.

Это уже второй случай, когда для ополчения и Донецкой народной республики всё могло закончиться, едва начавшись.

– Для меня, – рассказывает Захарченко, – понимание, что в аэропорту происходит что-то не то, началось с момента, когда я увидел заходящие МиГи на город. Я тогда созвонился с Александром Ходаковским и спросил: «Что случилось?», он ответил: «Нас атакуют, и уже идёт бой в аэропорту».

Судя по всему, Ходаковский закулисно договорился с кем-то из офицеров ВСУ о том, что он беспрепятственно возьмёт аэропорт под контроль.

Но когда ополченцы вошли в здание нового терминала, из старого терминала их начали обстреливать. Вскоре новый терминал атаковали два самолёта и четыре вертолёт.

«Договорённость» обернулась жесточайшей подставой.

Ополченцам был дан сигнал об отходе – но грузовики, полные раненых, были обстреляны, причём своими же: произошла чудовищная ошибка.

Надо сказать, что именно тогда, в аэропорту 26 мая, впервые на донбасской войне появляются ополченцы из Чечни.

Слухи о «чеченских наёмниках» циркулировали давно, но в Славянске, по утверждению Игоря Стрелкова, не было ни одного чеченца вообще.

Первая группа чеченских добровольцев появилась в Донецке как раз накануне боя в аэропорту. Большая часть из них погибла в тех самых злополучных грузовиках.

Что было дальше, рассказывает Захарченко:

– Я спросил Ходаковского: «Чем могу помочь?», и получил ответ: «Прикрывай, если сможешь, левый фланг, или нас возьмут в окружение». Чудом успели прикрыть. Мы сразу ринулись с «корабля» в бой, потом удалось организовать отступающих ополченцев – они потеряли командование, неразбериха была страшная, и те люди, которые отступали, просто не понимали, что делать. Мы стремительно собрали ещё взвод, около тридцати человек, закрепились, и буквально через полчаса подошла первая рота «Оплота», заняла оборону от церкви до самого «Метро». После укрепления мы отбили две атаки, и я перешёл в командный пункт Ходаковского. Картину боя мы наблюдали непосредственно с передовой. С этого момента и до самой глубокой ночи мы не ушли, пока последние ребята не покинули аэропорт.

Потом до пяти часов утра по посёлку выводили отступивших, разбитых, подавленных людей, боролись с диверсантами, которых запустили из аэропорта, и 27 мая в 6 утра я пришёл домой. Я уже тогда был ранен, но, если честно, ничего сначала не понял. Задача украинских силовиков была: заманить все силы ополчения в аэропорт. Счастливая случайность, что заходили не все сразу. Если бы зашли с двух сторон, кольцо бы замкнулось. За один день мы потеряли бы всю «армию», то есть все подразделения, которые стояли в Донецке: 90 % местных ополченцев находились в аэропорту к тому моменту. Мы тогда не имели достаточ-

ного опыта, некоторые подразделения были просто толпой мужиков с оружием... Аэропорт дал нам хороший урок, мы его поняли.

Общие потери ополченцев в тот день составили 35 человек. Украинские СМИ сообщали о двухстах убитых.

Вице-премьер правительства ДНР Александр Тимофеев – позывной Ташкент, – который был в том бою рядом с Захарченко, потом показывал мне дерево, за которым он прятался во время очередной атаки одного из украинских вертолётчиков.

Надо сказать, что Ташкент – рослый и богатырского телосложения мужичина – был примерно в два раза шире этого дерева.

Хохоча, он рассказывал, как пытался стать меньше, ниже, незаметней, а крону в тот момент буквально состригали у него над головой.

– Я рядом с ним стоял, – минут десять спустя дорассказал мне Захарченко в машине. – Слышу, он бубнит что-то. Прислушался: а он «Отче наш...» читает...

И Захарченко потешно изобразил, каким голосом Ташкент читал молитву.

...Но пока он изображал, я услышал, что сам Захарченко молитву эту знает назубок...

– Потом нас украинский снайпер в посадке там держал часов шесть, – продолжал Захарченко. – Залегли и лежим, деваться некуда. Шесть часов! Все анекдоты пересказали, какие помнили!

...На войне, как обычно, всё рядом: смех, смерть.

* * *

Глава министерства связи Донецкой народной республики Виктор Яценко – то ли совсем молодой, то ли очень моложавый парень.

Признаться, я поначалу был озадачен тем, что он уже министр.

Потом удивился тому обстоятельству, что Яценко отец двух детей – и он перевёз их, вместе с женой, из Херсона сюда, в Донецк – во фронтовой город.

Следом меня вовсе ошарашило известие о том, что он – полковник армии ДНР.

Полковника Яценко получил личным приказом Захарченко.

С другой стороны, а что мы хотим – здесь не просто гражданская война, но ещё и становление новой государственности. Вот уж где можно воочию наблюдать вертикальную мобильность.

– Ты чем занимался в Херсоне? – спрашиваю его.

– Производство картриджей и совместимого расходного материала для лазерной техники.

– Ничего не знаю об этом, но круто. Как там жизнь, в Херсоне?

– Херсон – это большое болото. Город морских академий и мореходок. Ежегодно город выпускает порядка 12 тысяч выпускников. И вот эти 12 тысяч человек могут трудоустроиться в любой точке мира. Через 2, 3, 4, 5 лет человек, который выпустился, либо старпомом, либо механиком, либо ещё кем-то получает от 7,5 до 25 тысяч долларов в месяц на какой-нибудь барже. И вот ситуация – в городе, где нет вообще производства – в любом торговом центре каждые шесть метров ювелирный магазин. Выходишь из торгового центра – каждые шесть метров ломбард. Это я называю «херсонский круговорот золота». Моряк жутко кутит на протяжении 3–4 месяцев, пока он дома. Машины покупает и тому подобное. Убитый город, почти нет дорог, но есть шикарнейшие тачки, шикарнейшие рестораны – в Донецке, наверное, нет такой кухни в ресторанах, как в Херсоне.

Такая специфика: город для моряков и блядей. Вот почему протеста нет: нормальный мужик ушёл в море.

– Протест ушёл в море, – повторил я.

– Да, а все, кто остались, они обслуживают 30–40 тысяч человек, которые периодически возвращаются королями и оседают там.

– А ты кем там работал? Наёмным менеджером?

– У меня было собственное производство. На самом деле деньги, которые у меня были, я заработал на Олимпиаде в Сочи. Я занимался подрядами по строительству СКС, WI-FI, оснастил отель «Radisson Blu» на побережье Имеретинской бухты. И когда встал вопрос, что делать и куда везти деньги, я решил, что нужно ехать только к себе на родину, в Херсон. Туда я и привёз заработанное в 2013 году. Основал производство, подготовил филиалы во Львове, в Черновцах, и решил открывать офис в октябре-ноябре. Но началась вся эта суматоха – и в декабре я уже был в Киеве, в Мариинском парке на Антимайдане.

– И что тебя привело на Антимайдан с таким баблом? Ты же мог пригодиться «новой процветающей Украине»?

Говоря с Виктором, я чувствовал словно бы нарастающий зуд в голове: что-то не совпадало. Наконец, я понял: Яценко не должен быть попасть в ополчение никогда. Его тип являл собой не просто слом шаблона, а реальный сбой существующей внутри меня системы представлений. Передо мной сидел безупречно одетый молодой человек: костюм, ботинки, отлично выбритый, чётко поставленная речь, уверенная жестикуляция. Так выглядит «золотая молодёжь»; правда, в отличие от колоссального количества представителей этой прослойки, Яценко зарабатывал, судя по всему, исключительно своими мозгами.

Но зачем ему могло понадобиться ополчение Донбасса? Шахтёры, монархист Стрелков, Моторола, казаки, нацболы? – это же вообще не по его части.

Яценко не очень удивлялся моим вопросам, и за минуту терпеливо объяснил, что евроассоциация означала, во-первых, (и как ни странно) крах его собственного бизнеса, во-вторых, крах сельского хозяйства в Херсонской области, в-третьих, коллапс огромной части украинской промышленности.

– То есть это с экономической точки зрения, – говорил он. – А идеология у меня, конечно, была. Я уже в детстве на контурной карте России рисовал вместе с Украиной и не воспринимал никакие другие границы, потому что город Херсон основал князь Потёмкин по указу Екатерины. И я всем рассказываю, почему Херсон был так назван, это мало кто знает.

– Я тоже не знаю, – признался я.

– Когда Екатерина решила получить доступ к Чёрному морю основательно и навсегда, она объявила войну Османской империи. Из Парижа в Петербург было послано Великое посольство. Пока посол ехал из Франции, Екатерина отдаёт приказ срочно основать крепость Херсон. И когда приехал посол и спросил, на каком основании была объявлена война Османской империи, она сказала, что мы освобождаем наши исконные земли. В городе Херсоне, объяснила Екатерина, князь Владимир принял христианство.

Тогда где Херсон, где крымский Херсонес, где на самом деле было принято христианство, мало кто понимал.

– Замечательно: без интернета невозможно было проверить, где раньше находился Херсон, – посмеивался я. Екатерина была остроумная женщина.

– Ну а потом в Херсонскую губернию, – продолжал Яценко, – входила Таврида, Одесса, частично нынешняя Кировоградская область. Соответственно, потом здесь располагался административный центр российской экономической зоны, по причине того, что в Херсоне изначально были верфи. Но верфи затем убрали и перевезли в Николаев. И остался большой никому не нужный город.

– И как ты из своего большого, никого не нужного города попал в Славянск? Тут на Екатерину уже не сошлешься.

– Два месяца я провёл на Антимайдане в Киеве. Поучаствовал в первой драке, когда там только начиналась мясорубка. Я был на зачистке Грушевского, был на площади Незал-

эжности. В последний день в Мариинский парк привозил арматуру. Я уже понял, что будет рубливо, и поэтому лично ездил на металлобазу под Киевом, покупал арматуру. И потом я выводил всех активистов херсонских – нас было девятьсот человек. Тогда стало ясно, что надо брать поезд в аренду. Если бы выходили на автобусах, нам бы не дали выйти. Людей мы вывезли на поезде.

Я покачал головой: вот это да.

Наконец, догадался спросить, какого он года рождения. Оказалось – 1985-го. Ну ладно тогда. Я-то первые полчаса думал, что этому парню едва за двадцать.

Но чем больше присматривался к нему, тем больше понимал, что изначальное впечатление было ошибочным: мимика и глаза выдавали быстро думающего, дельного, сильного и давно уже взрослого человека.

– Мы тут же пошли к херсонскому губернатору Костюку. Он сам дончанин, с Ильменского района. У нас с ним всегда хорошие отношения были. За небольшой срок он сделал немало для области. Говорим: всё, началось рубливо. Он говорит, что нет, нужно договариваться, нужно обеспечить охрану ОГА. Я ему говорю: всё, там людей убивают, поздно, надо разворачиваться к Москве, ведь Москва – это всё-таки наши... Тут как раз Добкин устраивает мероприятие в Харькове.

Я киваю – да, я помню, мы только что обсуждали с Костей Долговым этот съезд. На который сначала всех собрали, а на другой день, с подачи Коломойского, этих самых собравшихся элементарно кинули.

– Мы вчетвером едем от Херсонской области на Харьковский съезд, – продолжал Яценко, – но там уже пошёл слив. «Партия регионов» была не в состоянии что-либо сделать, и мы вернулись в Херсон. Дома выяснилось, что моя машина в розыске: уже есть фотографии, как я привожу арматуру, как я эту арматуру выгружаю.

Семью я уже вывез до этого – в Сочи, у меня жена сочинка. Машину свою прячу, и на машине брата мы выезжаем в Крым. В Крыму на тот момент никакой таможни нет. Там творится что-то непонятное. Еду в Москву. Пока я в Москве – в Крыму появились «вежливые люди» – и понеслось. Пытаюсь в Москве найти людей, которым можно объяснить, насколько важна с точки зрения стратегии Херсонская область. В Херсоне есть электричество и вода – то, что нужно Крыму.

Возвращаюсь в Крым – и в это время происходят события в Одессе. Двое ребят из Одессы, которых я встречал в Мариинском парке, – Андрей и Сергей – сгорели в Доме профсоюзов. И тогда я понял, что нужно делать выбор. Отцу позвонил и сказал, что еду в Донецк. Он благословил. Жене сказал, что поехал в командировку, типа у меня какой-то подряд, и что две недели меня не будет. Она меня до сих пор за это упрекает. И всё, отправился в Донецк. Границу перешёл, она была ещё «укропская». А все мои украинские документы – права и так далее, – остались в Киеве. Я под Киевом снимал дом – там и лежат, быть может, до сих пор все мои вещи, компьютер...

Приехал в Донецк и в свой день рождения попадаю к Паше в кабинет. Я пришёл с кучей идей того, что я могу сделать. Спрашиваю, как у них обстоят дела со связью.

– Он пришёл и предложил на основе зашифрованной телефонии проект, – продолжает сидевший с нами Губарев, легко качнув, в командирской своей манере, большой головой в сторону Яценко, но на самого Яценко не глядя. – Мы сразу его приняли и дали деньги. Первая связь была установлена по линии Донецк – Стрелков. И эту связь ни разу укры не перехватывали.

– Вот он про себя не всё рассказывает, – наконец, улыбнулся Губарев и быстро посмотрел на Яценко. – Когда его уже назначили министром, – а министерство многопрофильное: почта, городские телефоны и фельдъегерская служба – всё нужно было сразу налаживать, – Губарев повернулся ко мне, – так он реально жил на работе, даже одежду не менял.

– А я как панк, – ответил Яценко, и тоже чуть улыбнулся.

Он вообще, заметил я позже, никогда не смеётся в голос: я, по крайней мере, так и не услышал его смеха. По типу Яценко – всегда серьёзный отличник. Отличник сначала в школе, потом отличник в институте. Следом зарабатывает свой миллион, или десять миллионов, или даже пятьдесят...

А затем, когда на Майдане начинается война, закупает арматуру.

– ...Я и в Москве жил, и в Великобритании учился, – дозированно выдаёт детали своей биографии Яценко.

– С ума сойти, ты ещё и в Англии учился, – мрачно отметил я. – Сколько в твоём донецком министерском штате было человек поначалу?

– Был я, потом ещё два человека. Первые три сотрудника, которые у меня были: один из Петербурга, второй из Москвы, третий из Казани. Это был отдел спецсвязи. У парня из Петербурга была «Лада Гранта», на которой мы побывали и в Славянске, и в Лисичанске, и в Изварино – и где только не были! Мы даже хотели ролик сделать про эту машину.

– Знаешь, как этот человек принимал людей на работу? – Губарев снова кивает головой в сторону Яценко. – Спрашивал: что ты можешь сделать? «То-то и то-то» – «Хорошо, завтра выходи к восьми».

– Я всем давал шанс, – безо всякого пафоса объяснил Яценко. – У меня 30 % министерства не имеет высшего образования.

– И все, в основном, старше тебя? – спросил я.

– Конечно, – ответил он.

Под самый вечер Яценко немного развеселился – я пил водку, он чай, и что-то в этом чае на него подействовало; особенно меня позабавил рассказ о том, как Яценко явился к Стрелкову в Славянск.

– В Славянске, – рассказывал Яценко, – такое обоюдное доверие было, все друг другу улыбались. «Люди к нам идут и нас поддерживают? Добровольцы из России? – ууух!» В общем, как я попал к Стрелку – приехал с телефоном и сказал: «Я буду делать вам спецсвязь. Позывной “Яцик”». Он такой: «Что от меня нужно?». Я ему сказал, что нужен его офицер связи. Он мне даёт своего офицера связи: всё, мы пошли в здание СБУ, в его кабинет. Я поставил связь, рассказал, как пользоваться. Он говорит, сколько ещё телефонов есть? Я говорю, что ещё пять телефонов. «Нужно в Краматорск, Артёмовск и в Дружковку ставить». Всё, есть, понял. Ни паспорта не спросил у меня Стрелков, ни откуда я, ни что я. Вот это факт. Все подумали, что меня ФСБ прислало. Хотя это была моя личная затея, потому что я в телефонии разбираюсь и знаю, как что зашифровать.

Первый раз у меня спросили документы, когда оформляли удостоверение на начальника связи, то есть, когда меня передали в подчинение Хмурого. Он поинтересовался, что именно я буду делать. Я ему ответил, что могу то-то и то-то. Ну, давай, говорит, возглавишь у меня 4-й отдел радиоразведки и спецсвязи. И тогда он мне штатку подписал. Вот в тот день я первый раз показал документы. Это был конец августа. То есть май, июнь, июль, август – четыре месяца у меня документов никто не смотрел...

...В марте, апреле, мае, понимаю я, любой человек, приехавший в Харьков, в Одессу, в Донецк, в Луганск – хоть бы он был вовсе городским сумасшедшим – мог сказать: здравствуйте, я полковник Иванов – и его допускали куда угодно.

Все хотели верить в руку Кремля.

В неё верили в Киеве и на Западной Украине, в неё верили в модных московских кафе; но самое главное – в неё очень верили ополченцы.

Но ополченцы, конечно же, первыми поняли, что никакой руки Москвы нет.

...Сидя за одним столом с Яценко, и то смеясь, то поражаясь его рассказам, я всё равно время от времени забывался и снова не мог понять: нет, всё-таки зачем было парню из Хер-

сона – который имел подряды на Олимпиаде в Сочи, открывал филиалы своей фирмы во Львове и в Черновцах, – зачем ему понадобилось тянуть провода от одного отряда борода-рых ополченцев к другим разбитным, гулевым, чубатым сепаратистам?!

* * *

Догадываясь, что наткнулся на какую-то аномалию, я отдельно обсудил схожие темы с Павлом Губаревым, стоявшим, как мы помним, у самых истоков донбасской истории.

– Ты, накануне всех событий, имел своё рекламное агентство? И нормально себя чувствовал?

– Условно я мог себя отнести к «среднему классу». Мне до среднего класса чуть-чуть не хватало. Я мог себе позволить ездить по Европе всё лето, мог себе позволить всякие «ништяки», собирался квартиру покупать.

(Мысленно я пожал плечами: человек, который может всё лето ездить по Европе и купить в недешёвом Донецке квартиру – именно что средний класс, безо всяких «условно».)

– Дело не в этом, – говорит Губарев. – Широкий средний класс не построишь на присасывании к активам.

– Нет, – перебиваю я его, – Паш, вопрос об общечеловеческих приоритетах. «Средний класс» выбирает бабло, либо личную возможность его зарабатывать, как абсолютную ценность. Неважно, каким образом, – более-менее в рамках закона. Поэтому в Москве «средний класс» ходит на Болотную и на Марши мира, поддерживая в войне Майдана и Антимайдана – киевскую власть.

– Москвичи в этом плане почему-то другие, – задумчиво говорит Губарев. – Объяснить мне это сложно. Я не совсем понимаю Москву. Я там не жил.

– И я там не жил, – говорю я. – Но это так.

– Майдан был нам чужд на уровне культурно-исторических идей и мифов, – подумав, пояснил Губарев. – В душе все поддерживали антикоррупционную борьбу. Антиолигархические лозунги были очень комплиментарны и среднему классу на Донбассе. Просто об этом не принято было говорить, чтобы не лить воду на мельницу Майдана. Поэтому мы осуждающе смотрели и осуждающе молчали. Что касается «среднего класса», то присосками власти может быть только ограниченное количество людей.

Думаю, в майданное движение пошла та часть «среднего класса», которая не пристроилась в присосочно-отсосочную пирамиду. А я не собирался в неё встраиваться. Она мне противна по духу. Я старый революционер, красный националист, мне всё это претило. Я тихо ненавидел эту власть, хотя мне иногда приходилось с ней иметь дело.

«Нет, Паша, – думал я. – Ты всё говоришь правильно, но ты был именно “средний класс”, и вполне себя встроил в пирамиду: с большим или меньшим успехом. Пожалуй, всё-таки с большим, чем огромное количество участников Майдана. Как, впрочем, и Виктор Яценко, с которым мы обсуждали ровно ту же самую тему».

Если вспомнить Харьков, размышляю я дальше, там поначалу все знали главу местного «Оплота» Евгения Жилина – чьи антимайданные ролики так подействовали в своё время на Захарченко. Когда никто ещё ведать не ведал ни одного из будущих персонажей и героев донбасской войны – все уже слышали про Жилина и его «Оплот». Но ведь Жилин тоже занимался бизнесом: у него был бойцовский клуб по боям без правил, и он имел возможность системно помогать ветеранам Великой Отечественной – не спорадически, а из года в год. Жилин был удачливым представителем «среднего класса», хоть и со специфическими увлечениями.

Помимо Константина Долгова, главы, напомним, собственного PR-агентства, был в Харькове ещё и другой важный человек – Алексей Верещагин. Они тогда вместе водили

многотысячные толпы на штурм администраций, и вдвоём были у Кернеса со своими революционными требованиями; после чего их и повязали.

С Верещагиным я тоже общался – в Луганске, в октябре 2014 года, он был тогда в подразделении ополченцев «Ночные волки». Огромный такой, бритый наголо, харизматичный тип моего возраста. Верещагин до войны был руководителем производства – что-то связанное то ли с кирпичом, то ли с бетоном.

Идём дальше?

Денис Пушилин окончил Донбасскую национальную академию строительства и архитектуры, факультет «экономика предприятия», потом был функционером движения «МММ», и тоже, говорят, не бедствовал.

Или Дмитрия Трапезникова вспомним – одного из замов Захарченко, который в свои тридцать с лишним лет руководил торговым домом, и смотрел из окна своего офиса на Майдан.

Да и сам Захарченко... Шахтёрское дело он оставил давным-давно, и занимался совсем другими вещами.

Я спросил как-то Захарченко, сколько весили активы к апрелю 2014 года, и он тут же назвал трёхзначную цифру. С виду обычная цифра, ничего удивительного, но дело в том, что речь шла о миллионах.

Захарченко был не бедный человек. Он был вполне обеспеченным.

С нами сидел в компании вице-премьер правительства ДНР, Александр Тимофеев, тот самый, что носит позывной Ташкент – потому что окончил Ташкентское военное училище в своё время, – и он с невесёлой улыбкой сказал, что до войны он был в разы состоятельней.

«Мы все были куда богаче», – повторил он, безо всякой, как мне показалось, жалости, но с некоторой иронией по отношению к самому себе.

Подобных примеров – десятки, а то и сотни. Видя всё это, я просто обязан сказать одну важную вещь.

На Донбассе произошла революция среднего класса.

Этого не должно было случиться, потому что здесь заложена аномалия. Но случилось.

Можете называть это контрреволюцией, разницы в данном случае никакой. Контрреволюция – тоже революция. И то, и другое – переворот с целью захвата власти.

Раньше под революцией понималась смена экономической формации, но целая череда революций XXI века это правило временно аннулировала. Сейчас не меняют экономические формации: революции совершают в интересах финансовых групп, небезуспешно выдавая эти интересы – за национальные и, что самое смешное, за либерально-демократические.

«Средний класс» очень любит либерально-демократические ценности, искренне считая их идеальной средой обитания, посему выступает во время революций в качестве основной движущей силы. Творческая интеллигенция, по сути, тоже представляет собой «средний класс» – будь то певец Вакарчук в Киеве или писатель Акунин в Москве (или где он там сейчас).

В качестве авангардных отрядов революции может быть использован «право-националистический» ресурс: от деятельных консервативных патриотов, статусно также относящихся к числу «среднего класса», до откровенно нацистской массовки, которая, впрочем, в количественном отношении в десятки раз уступает «среднему классу».

Именно поэтому просвещённый «средний класс» столь спокойно и скептически смотрел на бритоголовую братву на Майдане – «сейчас мы их пропустим впереди себя подраться, а потом заберём у них власть», – примерно так или именно так рассуждали представители «среднего класса».

Но в итоге вышло так, что власть отобрали и у бритоголовых, и у просвещённого «среднего класса» – и отобрала эту власть, как и следовало ожидать, крупная буржуазия; но это уже другая тема.

Пролетариат и крестьяне, а также униженные и обездоленные из любых социальных групп, увы, в революциях нового века ведущей роли не играют. Зачастую не играют вообще никакой.

Есть ещё один, весьма принципиальный момент: на всей территории бывшего СССР (да и не только здесь) буржуазия и «средний класс» совершают революции сугубо, исключительно прозападного толка. «За европейские ценности».

Запад в понимании революционеров нового времени – есть символ их личного благодеяния, их обязательной и неизбежной удачи. (Надо признать, это достаточно архаичная точка зрения, – ведь Запад не может гарантировать удачу даже собственным жителям, – но что поделаешь, людям свойственно пребывать в иллюзиях.)

«Средний класс» – порождение эпохи глобализации; поэтому он так легко перемещается в пространстве, всякий край ему люб. Лишь бы это не «русский мир» был – что-то такое есть в «русском мире», от чего «средний класс» воротит.

Да, на территории «русского мира» тоже можно поработать – здесь недурно платят, – но главное, чтоб «русский мир» не лез в чужие дела, и помнил своё собачье место.

«Средний класс», как нам объяснили умные люди, может быть движим исключительно меркантильными интересами. Основная функция «среднего класса», как известно, – это потребление.

Идеалистов больше нет, сказали нам, романтики перевелись. Остались только буржуазные прагматики (по крайней мере, так они думают о себе).

Буржуазия желает фуа-гра, кружевных трусиков, пармезана и «Бэнтли»; и заодно демократии, потому что «Бэнтли» и фуа-гра идут с демократией в одном флаконе. В этом нас тоже убедили сразу после распада СССР. Более того, распад СССР именно этим и обосновав. (Кому «Бэнтли» не досталось – сам дурак, зато тебе дали свободу, раб.)

...Я веду к тому, что на Донбассе надорвалась и рухнула привычная картина мира.

Во главе событий донецких (а также крымских, харьковских, луганских) стояли именно что представители «среднего класса». Одни из них дошли до победы, другие были выбиты на первых же порах, третьи сдались, четвёртые погибли, пятые эмигрировали – но всё это в данном разговоре уже не так важно.

Представители «среднего класса» выступили зачинщиками и застрельщиками антимайдана и начавшегося затем прямого военного противостояния.

Но ведь они сделали то, чего «средний класс» не должен делать никогда!

Зачем «среднему классу» антимайданная, антизападная, антибуржуазная революция? Да ещё и за какой-то там «русский мир»? Германия живёт лучше, чем Россия. Франция живёт привлекательней, чем весь этот хваленый «русский мир». США живёт богаче, чем русские нищebroды.

Никакой нормальный человек не будет ставить деньги на заведомо проигрышную фишку.

Кто видел этот «русский мир»? Разве его можно сравнить с Австралией, айфоном, айвой?..

* * *

Яценко внимательно выслушивает меня, всегда до конца и не перебивая – хотя, скорее всего, он уже знает, что собирается ответить.

Отлично представляю, как он отвечал в своих университетах: выдержанно и всегда твёрдо зная, к чему ведёт. Так Яценко, наверное, и связь проводил между Донецком и Славянском, с тем же невозмутимым лицом.

– Майданная революция, по-моему, – революция иждивенцев, – говорит Яценко без всякого полемического задора, ровным голосом, как само собой разумеющееся. – Фундаментальной позиции, которую готовы были изложить их спикеры, – я не знаю. Пусть кто-нибудь из них обосновал бы какие-то реальные позиции, с которыми мы идём в Европу. Кроме того, что «мы будем жить хорошо в Европе», – больше ничего.

Едва ли есть кто-то из киевского круга, кто прочитал «Соглашение об ассоциации». Я уверен, что ни Мустафа Найем, ни вся эта мразь типа Антона Геращенко – никто из них не читал «Соглашения...». Продали красивую картинку, мечту. Когда российских журналистов пускали на Майдан, они у селяков спрашивали: а вы знаете, что там написано? А они в ответ: да вы – Кремль во плоти, вы – кремлёвская пропаганда.

Говорят, что бизнес в какой-то степени поддерживал Майдан. За год я объехал всю Украину. Люди говорили мне, что при Кучме было хорошо – был бизнес. А сейчас, говорили мне, тяжело и плохо. Спрашиваю: чем они занимались при Кучме. Ну, металлоломом. Металлоломом! И так каждый второй.

– Пилили там что-то... – задумчиво говорю я.

– Это люди иждивения, которые вышли на Майдан с мыслью, что Европа им что-то даст, – повторяет Яценко. – Многие из них ездят в Польшу и не понимают, что Польша – это большой обман. Организованная территория, где 20 % украинцев работает по определённой экономической модели: но это не значит, что Украине сделают такую же модель. Это всего лишь долгоиграющая европейская политика – пожирание. Кроме дешёвой рабсилы и ресурсов, им здесь больше ничего не нужно.

– А ты думал про то, почему почти все твои сверстники на Украине и в России рассуждают иначе? Отчего они наши с тобой оппоненты? Что с ними произошло?

– Стиралось понятие своего государства, – отвечает Яценко. – Люди как бы теряли внутренний суверенитет. Внедрялось мнение, что мы должны жить там, где хорошо, вместо того, чтобы формировать позицию, что мы должны сделать так, чтобы здесь было жить хорошо.

В четырнадцать лет, учась в Англии, я выходил на Оксфорд-стрит, смотрел, как там круто, как на красный свет останавливается кортеж королевы. Или в восемь утра я с какой-то экскурсией нахожусь в Кембридже: общественный туалет – и там опрятные бомжи чистят зубы... Но потом я изучал экономику и понял, что Англия – это такая большая присоска ко всем экономикам. И они могут себе позволить 30 % населения держать на содержании за счёт экономического террора. Мысль о том, что все страны могут вот так вот жить – самообман. Нужно самим.

...Что ж, я хотел получить такой ответ.

Более того: я удивлён и рад, что за два минувших года ничего в позиции Яценко не изменилось.

Это была не революция «среднего класса» против другого «среднего класса».

Тут другое: проукраинская часть «среднего класса» поддержала революцию иждивенцев, а прорусская часть «среднего класса» – выступила против.

Основания для этого каждый выбирал свои – они могли быть сугубо этнические, национальные, языковые, культурные. Могли быть монархические, могли – имперские, могли – левые.

Но технологический, исключительно рациональный подход Виктора Яценко мне кажется особенно убедительным.

На прощание Виктор рассказывает мне краткую историю типичного представителя «среднего класса», оказавшегося в ДНР.

– Позавчера пишет мне «Вконтакте» симпатичная девушка: «Виктор Вячеславович, к сожалению, вот таким вот образом к вам обращаюсь, но у вас есть серьёзная розничная задолженность по налогам и вам нужно позвонить в Херсонскую налоговую, потому что у вас будут проблемы». Я ей говорю, что приехать не могу. Тогда она предлагает решить вопрос по телефону. Я тут же её набираю и объясняю ей, что на меня теперь – после всей этой истории – на Украине заведено порядка одиннадцати уголовных дел, к тому же я являюсь министром связи ДНР и с учётом плохих дорог приеду только на танке, но в лучшем случае в следующем году. Она говорит: «Я поняла». Да, говорю, спасибо, что вы меня помните. И она мне, совершенно спокойно: «До свидания».

* * *

Есть, впрочем, персонажи, которые уверенно минуют всякие классификации, и являются в историю незванно и негаданно.

Мало кого так ненавидят в российской, приятной во всех отношениях, прогрессивной среде, – как Моторолу. Он будто бы средоточие всего того, что им отвратительно: лихой, дикий человек.

И мало кого так ценят и почитают все остальные нормальные русские люди.

Всякий раз, когда я ехал в сторону Донбасса, пацаны и мужики, никак не склонные к сентиментальности, говорили мне: передай привет Мотороле, – если бы я все эти приветы передавал, Мотороле пришлось бы нанять поезд, чтоб их перевозить, – ну а самые лучшие русские девушки, которые ничьих автографов не коллекционировали никогда, вдруг просили, чтоб Моторола им черкнул своё имя, на любой открыточке.

Первый раз ополченцы, а затем и широкая общественность увидели Моторолу в Славянске – его беспредельную, удачливую и дерзкую команду в джипах, на которых были установлены «Утёсы». Неожиданно появляясь в неожиданных местах, они отрабатывали по тяжёлой технике, и столь же стремительно исчезали. Неуловимый штурмовой отряд.

Моторола мог бы встать в один ряд с удачливыми командирами и партизанами Отечественной, Гражданской, и так далее – он явил собой нечто среднее между Денисом Давыдовым и Чапаевым.

Арсен Павлов, комбат «Спарты», этот русский националист с не очень русским лицом безупречно смотрелся бы среди воинства Чингисхана и всех остальных чингизидов: рыжая его борода, угорский разрез глаз, косая улыбка – всё будто оттуда.

Моторола придумал свой вызывающий стиль, это подкупало тоже: квадроциклы, или с открытым верхом джипы, где установлены колонки, из которых мощно топит качественный русский рэп: как правило, 25/17, ГРОТ, Рэм Дигга. Своя стилистика, свой наглый юморок – все помнят, как Моторола передавал приветы то президенту Польши, то Бараку Обаме, то липовым русским националистам, которые любят сражаться за Родину дома.

Я не отследил тот момент, когда Моторола стал полковником; помню только, как мы сидим в кафе (Моторолу в Донецке узнают все поголовно, и подавляющее большинство радо ему – это элементарно видно, когда ты с ним находишься рядом) – сидим, говорю, обедаем, Моторола ест суши (он любит суши), на дворе чудесная донецкая весна, тут возле кафе начинается какое-то движение, появляются очень крупные – в смысле габаритов – военные. Моторола не спеша выходит на улицу – и я вижу, как эти трое военных, весом по сто двадцать килограмм и на полторы головы выше Моторолы, подбираются, вытягиваются в струну, и, от напряжения растарашившись, один из них докладывает:

– Товарищ полковник, трам-парам-пам-пам.

– Вольно, – даже не говорит, а лёгкой судорогой щеки останавливает доклад Моторола. Из армии он уволился старшим сержантом. На Юго-Восток он приехал в том же звании; хотя никаких званий тут поначалу не было. И вот – то, что называется вертикальная мобильность.

В этом он схож с Виктором Яценко: в большую историю заявился тип, которому нет тридцати, отлично отработал своё – и вот.

Минуту поговорив с тремя подполковниками, Моторола уселся на квадроцикл с флагом «Спарты», врубил музыку так, что задрожали стёкла в кафе, и поехал в своё подразделение.

Те, кто когда-нибудь имел отношение к российским вооружённым силам, или к органам внутренних дел, или к спецслужбам, – знает, что так себя вести не принято. Вот эта музыка дурная на полную громкость, это неформальное поведение – так нельзя, так не делают.

Но Моторола установил свои правила, ему – позволяется.

В этот раз мы заехали к нему в гости с военкором Евгением Поддубным.

Там, где живёт «Спарта», – раньше была, кажется, школа, или что-то наподобие.

До сих пор всё было недосуг спросить у Моторолы, с чего начиналась его война здесь – в тот момент я его, естественно, не видел и не знал.

– А сколько ты здесь времени уже?

– С февраля 2014 года.

– Ходит куча слухов, что ты пытался поджечь базу «правосеков», потом в Харькове нашёл себе жилинских ребят...

– Да, с жилинскими ребятами я был, – уклончиво отвечает Моторола.

Кабинет, где мы сидим, напоминает прихожую в деканате того университета, где я учился когда-то: три стола, на стене карта, много разнообразного народа, всем лет 25–35 на вид, одна строгая, или, скорей, равнодушная девушка в камуфляже.

Здесь можно курить. Моторола курит тонкие сигареты.

Постепенно все куда-то расходятся; из подсобки нам приносят бутылку коньяка; сам Моторола не пьёт, я ни разу не видел, чтоб он употреблял алкоголь; зато мы с Поддубным употребляем, и это видели, увы, многие.

– Была такая история, когда ты пришёл к Стрелкову и сказал, что ты морпех?

– Когда мы разговаривали со Стрелковым, он нас всех собирал и проводил собеседования. И тем, кто, по его мнению, мог пойти с ним, он сказал: если да, то да, если нет, то нет. Решения все принимали самостоятельно. Он меня спросил, где я служил. Я ему сказал: такие-то года, был там-то и там-то. Спросил, кто командиры. Ну, в качестве проверки, я не знаю. Я спокойно ответил на все вопросы и вот встал вместе со Стрелковым. И потом нас посадили на борт. Дали по парашюту. Забыли сказать, как им пользоваться, – Моторола посмеивается, и, похоже, шутит. Впрочем, в его случае часто не поймёшь, правду он говорит или валяет дурака.

– А ты не прыгал никогда, в смысле, не летал?

– Нет. Выкинули. Мы разлетелись по всему Славянску. Потом собирались в течение недели.

– Я помню, как вы собирались в Славянске, террористы, – неожиданно подключается Поддубный. – Хотел убить моего оператора за чем-то. Принести в жертву, так сказать.

– На самом деле всё было иначе, ты всё не так преподносишь, – спокойно парирует Моторола.

– Я помню, как всё это было, – говорит Женя, разливая по второй.

– Я вышел только что из боя, – рассказывает Моторола. – Когда я шёл, в меня стреляли со всех сторон. Я потерял свои очки.

– Потом, – завершает за него Поддубный, – тебе встречается мой оператор, и ты его убить хочешь.

– Нет, меня спровоцировали. Мне сказали что-то такое, что мне захотелось выстрелить в твоего оператора.

– Да ладно, ты побежал и сказал: «Пятый канал, на землю!»

– Я этого не помню, – негромко говорит Моторола.

– А ты в какой должности начинал служить? – встречаю я, потому что их дружеская перепалка подошла к логическому завершению.

– Где?

– В Славянске.

– Звания и должности не было. Я туда зашёл командиром группы.

– Сколько человек?

– Вместе со мной было человек 10–12. Группа огневой поддержки.

– Вы без оружия заходили?

– Всё здесь себе отобрали. Вгрызлись в глотки... Тех людей, которые со мной заходили, их здесь нету.

– Они ушли?

– Ушли. Именно из моей группы нет никого. Но из всех тех людей, которые были с нами тогда, – кто-то остался. Немой был, Нос, Лёлик, ещё несколько ребят. А остальные рассчитывали на крымский вариант. Но когда поняли, что они могут умереть, – стали потихонечку петлять. Бабай-алибабай с номером счёта на груди...

– Бабая не любишь?

– Не то, что не люблю, его вообще не за что любить. Мало уважения к тем людям, которые ставят перед собой задачу и её не выполняют. Не было задачи приехать пострелять и уехать. Коли так получилось, нужно стоять до конца. Но у этих людей нет никакой идеи, нет веры в самих себя. Они приехали, поняли, что им тут придёт пизда – и решили съебаться. Вот и всё. А те люди, которые захотели остаться, – их очень мало.

Возможно, кто-то сделал своё дело, чтоб уйти на определённый этап, и потом зайти обратно. А все те люди, которые прикрывают свою трусость какими-то непонятными фактами: что кого-то отсюда выгоняли, что те, кто пришли первыми, – все они заказаны и их начинают уничтожать по одному... Ну, я не знаю. Уничтожают, уничтожают. Вот у нас четыре человека в подразделении заходили первыми – что-то второй год нас никак не уничтожат местные власти. Всё, вот завтра нас сожрут, наверное, – здесь Моторола молчит три секунды и вдруг добавляет: – Ну, сожрут и сожрут.

– А что нужно сделать, чтоб была ещё одна бутылочка коньяка? – спрашивает, обращаясь как бы в никуда, Поддубный.

* * *

– Мотор, а напони, ты с какого года? – спрашиваю я.

– С 1983-го.

– На первую чеченскую ты не попал?

– Возраст не позволял. Я бы с удовольствием, но... Я был в 2003 и в 2004 году в Введенском районе. Боестолкновения случались, а такого, чтобы лютая война, – не было. Там где-то кого-то обстреляли, тут... Просто едешь на мотоброне – и из какого-то двора в тебя стреляют. Трассера отбили от брони. Никто на это даже внимания не обращал. Это происходило в основном в вечернее время, когда снимают блоки, когда останавливаться нельзя. В тёмное время суток все должны сидеть на жопе ровно.

– Какие-то свои тактические наработки ты здесь уже придумывал? Или что-то из Чечни привёз? Есть какое-то сходство, как ты думаешь, между войной там и войной здесь?

– Нет, чеченскую войну с этой никак не сравнишь. Разве только в том схожесть, что люди убивают людей. А стратегия поведения была отработана уже здесь. Пришлось подстраиваться под события, анализировать, предполагать, как думает противник, опережать его, принимать какие-то меры, какое-то противодействие на его действия. Постоянно приходилось двигаться.

– А вот эту историю с «Аллах Акбар» реально ты придумал первый? Когда в громкоговорителе врубали намаз, и это из раза в раз деморализовало противника.

– Я просто придумал на блокпосту в Семёновке поставить колонки и включать там музыку, что-то говорить по громкой связи. И туда сразу же влились намазы всякие. Потом песня Тимура Муцураева появилась, и пошла вот эта байда. И потом в Семёновке, как это положено по времени, мы начали включать намаз. И если какая-то информация приходила по поводу действий украинских террористов, то сразу же по громкой связи на всю Семёновку: «Внимание гарнизону! Противник может применить дымовые снаряды и высадиться ночью на вертолётах с тепловизорами!» и т. д., и т. п. Или там: «Внимание гарнизону! Приготовиться к ужину!» И они начинали в панике стрелять куда попало. Но так они и не смогли подавить это вещание, которое было всё время. Это была одна из психологических атак – и очень серьёзных.

– Серьёзная психологическая атака была – его автомобиль, китайский джип, – вставляет своё слово Поддубный.

– Какой китайский джип? – пытается вспомнить Моторола.

– Ну, у тебя был какой-то китайский внедорожник. Может быть, не джип, а кроссовер... От него пахло – просто ужас. Я из здания СБУ слышал, как воняла машина Моторолы.

– Ну, бог его знает. Серебристый?

– Да, да, да, вот от него пахло на две версты.

– Потому что на нём постоянно вывозили трёхсотых, двухсотых... Всё стекало в машине.

– ...Мне про тебя ополченцы говорили, что у тебя звериная чуйка... – слегка подзадориваю Моторолу я.

– Нет у меня никакого чутья. У меня мордвинское лицо и часть моей крови принадлежит северным народам – может быть, из-за этого обо мне такое говорят. Я на 25 % коми, на 25 % адыгеец, на 50 % русский. Отец моей матери – русский, отец моего отца – адыгеец. Мать моей матери – коми, мать моего отца – русская.

– Ты типа коми-адыгейский охотник...

– Да какой я охотник? Я охоту люблю как прогулку. Как возможность пообщаться с природой.

– Мотор, а почему каждый раз, когда мы с тобой встречаемся, рядом с тобой нерусские лица? Это случайно так получается?

– Это специально спланированная акция, – посмеивается Моторола, и тут же серьёзно говорит: – Потому что цель, которую я преследую, – достичь того же, что имелось раньше: когда была Великая Российская империя, которая объединила под своим флагом многие народы. Эти народы жили более или менее мирно, по крайней мере, старались, и у них это получалось. Но против общего врага воевали вместе и защищали одно государство.

– Но сопровождающие тебя – часто люди кавказского вида.

– Нет, вот только Гога абхаз – из всего окружения, – говорит Моторола.

– Все русские, конечно, но не совсем русские, – говорю я, поглядывая на входящих в помещение, где мы сидим, бойцов. Согласиться с тем, что они славяне, можно только под угрозой насилия.

– Артём, не только я это заметил, что ты еврей, – не глядя, бросает Моторола борода-тому «спартанцу» горячего азиатского типа, вышедшему из соседнего кабинета.

– Я этого не говорил, Артём, – считаю нужным отметить я.

– Нет, просто бороды такие, понимаешь, – поясняет мне Моторола.

– Бороды – понятно. Но почему это чёрные курчавые бороды?

– Потому что некоторые люди отращивают бороду – и она у них почему-то чёрная. После этого я начинаю подозревать их, что их кровь не такая чистая, – смеётся Моторола.

– Хорошо, последний на сегодня научно-популярный вопрос. Учитывая то, что на этой войне ты имеешь опыт, мягко говоря, немалый, ну и чеченскую прошёл по касательной, дети в школах на уроках начальной военной подготовки будут спрашивать тебя: где более сильные бойцы? Те, что встречались в Чечне, или те, что выдают сегодня себя за самых истинных украинцев?

– У чеченцев идея была, за которую они сражались и боролись, – отвечает Моторола, став чуть, что ли, злее, говоря будто бы о чём-то мелком и разговора не стоящем. – А у этих никакой идеи нет. Есть стадо овец, которых гонят вперед. И есть другое стадо овец, которым какую-то мнимую идею втюхали и они пытаются за неё бороться, но бороться на расстоянии. С нами – не соприкасаясь...

* * *

29 мая под Славянском ополченцами был сбит вертолёт Ми-8, где находились 11 украинских военнослужащих, в числе которых – начальник управления боевой и специальной подготовки Национальной гвардии МВД Украины генерал-майор Сергей Кульчицкий.

2 июня ВВС Украины разбомбили администрацию в Луганске – погибли восемь мирных граждан.

К лету на Донбассе кипела обоюдная ненависть.

Украина стянула к границам Донецкой и Луганской областей группировку более чем в сорок тысяч человек: ВСУ, МВД, нацгвардия, добровольческие батальоны, разнообразные спецназы. В распоряжении этой армады было до шестидесяти танков, более трёхсот артиллерийских систем всех калибров, миномёты.

Плюс авиационная группа: до двадцати самолётов Су-27, Су-25, Су-24, и столько же вертолёт Ми-8 и Ми-24.

А ополчение? Авиации у ополчения не было; она так и не появится до конца войны. Танков ещё не имелось, разве что один или два, времён Великой Отечественной, всем на удивление сняли с постаментов, и даже завели.

Артиллерия тоже отсутствовала.

Миномёты были.

В Славянске у Стрелкова имелась САУ⁸ «Нона», захваченная ещё в апреле у 25-й бригады ВСУ. На эту «Нону», рассказывают, готовы были чуть ли не молиться. Сколько к началу лета было у Стрелкова людей, неизвестно – точный и поимённый учёт не вёлся, – предположительно около пятисот человек.

Понемногу начали тогда складываться разрозненные подразделения в Донецкой и Луганской областях. Появились полевые командиры, которые, благодаря интернету, стремительно получили известность: Игорь Безлер («Бес»), Павел Дрёмов («Батя»), Александр Беднов («Бэтмен»), командир батальона «Призрак» Алексей Мозговой...

Рос, не меньше чем на сотню человек еженедельно, отряд Захарченко.

⁸ Самоходная артиллерийская установка.

Самой сильной боевой единицей на конец мая в Донецке был батальон «Восток» бывшего офицера спецназа Александра Ходаковского.

В целом ополчение к началу лета имело под ружьём не многим более десяти тысяч бойцов – в большинстве своём вооружённых, мягко говоря, посредственно.

Разница в количестве и технической оснащённости между киевскими силовиками и ополчением была на тот момент непреодолимой.

Однако эта разница говорит нам вовсе не о том, что украинские силовики воевали плохо (хотя они воевали, как правило, плохо).

И даже не том, что ополчение воевало хорошо – ополчение воевало очень по-разному, иногда с неожиданным успехом, иногда просто чудовищно; зато у ополчения точно было то, что именуется куражом; или можем назвать это – мотивацией. С другой стороны, сильнейшая мотивация была и у добровольческих батальонов.

В любом случае, указанная разница в оснащении доказывает лишь одно: если бы подавляющее большинство населения Донецкой и Луганской областей не поддерживало ополченцев – они и недели бы не продержались. Но люди, непререкаемое большинство, были за них.

Только никто ещё не понимал, насколько прожорливой окажется эта мясорубка.

К 4 июня, после постоянных бомбёжек, Славянск остался без централизованного водоснабжения.

Однако любые попытки взять Славянск всё равно проваливались: минимальное – по сравнению с числом противника – количество ополченцев отбивало все попытки вытравить их из города. Впрочем, украинские силовики предпочитали бомбить, бомбить, бомбить.

5 июня «Восток» под личным командованием Александра Ходаковского попытался взять Мариновку – контрольно-пропускной пункт к югу от Саур-Могилы – чтоб иметь выход на Россию. Окончилось всё плачевно – батальон ополченцев потерял двух человек убитыми, 13 ранеными, был подбит их БТР, причём часть бойцов «Востока» отступила на территорию России. Под Мариновкой в очередной раз сыграла свою роль авиация – украинские пограничники вызвали Су-27 – и наступление задавили.

(Украинские СМИ традиционно увеличили потери ополченцев в десятки раз.)

Начавшаяся война повлекла за собой различные страшные реакции: никто никогда не знает, сколько в те месяцы по всей Украине случилось разнообразных, иногда кровавых конфликтов.

Один из примеров: на тот момент в украинской армии служило множество выходцев с Донецкой, Луганской и Харьковской областей. В большинстве своём воевать они не проявляли никакого желания.

Захарченко рассказывал, как в одной из частей задержали донецких «дембелей» – восемнадцать или девятнадцать человек; это было в последние дни мая.

Отец одного из них обратился тогда к Захарченко: как выволить сына.

– Пусть, говорю, дезертирует и добирается домой перекладными, – рассказывает мне Захарченко. – «Дембелям» надо было искать себе попутный Камаз, по два человека забираться в спальник и – домой.

– Они смогли? – спрашиваю я, хотя уже предчувствую, что эта история окончится плохо.

– Нет, не смогли, – говорит Захарченко. – Над ними там измывались, раздевали, выгоняли на улицу, командиры на «губу» постоянно засовывали, наряды вне очереди и всё такое. Короче, прихожу я к отцу одного из «дембелей», а он – плачет, слёзы текут.

Спрашиваю: что случилось? Он сидит и телефон держит в руке. Говорит: ему сын звонил и сказал, что они, все кто с Донбасса, Луганска и Харькова, заняли один угол в казарме. И однажды на них пошли – резать их. И отец всю эту драку, как они там хрипели и погибали – он всё слышал. Вот эти восемнадцать или девятнадцать человек с Донбасса и Харькова –

всех их в один вечер зарезали в части. Никто из них не вернулся домой. А потом пришло извещение о том, что это был самострел. У всех – самострел... Такие были истории. Очень много ребят, которые были призваны в украинскую армию из наших регионов, – домой не вернулись.

– А с отцом что?

– Отец потом будто взбесился. Мы его боялись посылать в дело. Если бы можно было их кровь пить ведрами – он бы ведрами пил...

* * *

Раз за разом мы возвращались с моими собеседниками к разговору о том, как должна была себя тогда повести Россия.

В который раз, то так, то эдак мы повторяли одни и те же доводы.

Парадокс заключается в том, что разнообразные московские, что называется, «кухонные» аналитики считают, что «Кремль всё слил».

В то время как множество людей в самом Донецке, имевшие прямое отношение ко всем процессам, зачастую рассуждают несколько иначе.

Московские аналитики в числе прочего уверяют, что Россия могла вернуть к власти Виктора Януковича, предоставившего России право на ввод войск.

Но давайте ещё раз задумаемся: как бы на это отреагировали на остальной Украине? Помимо Донецка и Луганска, где поддержка была близка к крымским показателям, Харькова, где прорусски настроенные были в явном большинстве, и Одессы, где сторонники Киева и Москвы раскололись пополам.

Но дальше? Чем дальше на запад Украины – тем, как правило, ниже прорусские настроения.

Начался бы вал протестов, гражданские стычки, манифестации «за» и «против», драки, вой в СМИ. И даже если бы удалось удержать ситуацию (в чём есть огромные сомнения), на ближайших выборах Януковича очевидным образом не переизбрали бы.

И что, российской армии пришлось бы пойти, сопровождаемой улюлюканьем, домой? А зачем она приходила тогда?

Возьмём другой вариант: Россия могла ввести войска и сохранить полностью две независимые области – Донецкую и Луганскую.

Но как бы на это посмотрел Харьков? С его десятками, если не сотнями тысяч пророссийских активистов, митинговавших неделями?

Русские встали бы на границе и молча бы смотрели, как там давят людей, ждущих помощи? Или войти и в Харьков тоже? А потом? И в Запорожье направить танковый клин? И в Днепропетровск? И в Чернигов?

Вновь ведь начинается сказка про белого бычка. Вернее, про бычка кровавого.

Взять Крым было возможно, Крым этого жаждал. Взять всю Украину – нет.

Никакого пресловутого «хитрого плана Путина» не было просто потому, что его не могло существовать в принципе. Ситуация сложилась патовая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.